

Дмитрий Бобров – «Записки военнопленного» (фрагменты, 2010)

Содержание

Арест.....	1
КПЗ.....	4
Кресты	9
Кресты: 758	13
Кресты: 448, 452, 102, 821, 780, 758, 732, 448а, 791.....	18
Кресты: 791 (part 1).....	20
Ознакомление с материалами дела	25
Начало судебного заседания	29
Кресты: 791 (part 2).....	35
Судебные заседания 1, 2 и 3 апреля 2004 года	43
Разговор о фашизме	52

АРЕСТ

Меня арестовали 24 октября 2003 года в том здании на Исаакиевской площади, где Казимир Малевич написал знаменитую картину «Чёрный Квадрат», а сейчас располагается городская прокуратура Санкт-Петербурга. Всемирно известное полотно художника сильно занимает моё воображение, будучи, как мне кажется, симптоматичным явлением для хода развития всей западной культуры. Абсолютное отсутствие формы и содержания предоставляет здесь ничем не ограниченный простор для концептуальных толкований изображения. Размышляя о «Чёрном Квадрате» Малевича я часто задумываюсь о космических объектах известных как чёрные дыры. По мнению астрофизиков, они обладают настолько колоссальной силой притяжения, что ни один предмет не может покинуть их поверхности единожды её достигнув. Даже свет не способен преодолеть чудовищное тяготение чёрной дыры и потому-то они, и называются чёрными: там царит крошечная тьма и остаётся только догадываться о происходящих внутри процессах. Помимо вселенских чёрных дыр существуют и на нашей Земле не столь отдалённые места способные навечно заключить в свой концентрационный плен человека однажды попавшего в круг их притяжения. Речь идёт об учреждениях пенитенциарной системы поглотивших меня, начиная с октября 2003 года на долгие шесть лет.

24-го числа я должен был явиться в горпрокуратуру для очередного допроса и предъявления официального обвинения. Об этом за два дня до того было сообщено старшим следователем Управления по расследованию особо важных дел Тихомировым. Последние три месяца я был подозреваемым в совершении преступления по статье 213 уголовного кодекса – за совершение хулиганства. Преступление состояло в следующем: 29 марта около часа дня на подземной платформе станции метро «Пушкинская» группа молодых людей напала на студента одного из питерских Вузов гражданина Армении Арама Гаспаряна и жестоко избивала его. Хотя на месте никого не задержали, уже через два месяца все участники нападения стали известны милиции, а первым напавшего на армянина Алексея Мадюдина заключили под стражу. Обо мне было известно, что

я находился на «Пушкинской», но в избиении не участвовал. Именно поэтому спустя полгода я всё ещё был на свободе и мало беспокоился о ходе дела. Тем временем расследование, начатое следственным отделом УВД метрополитена, передали в Главный следственный отдел ГУВД, а ближе к осени в городскую прокуратуру. И вот следователь Тихомиров, к которому, в конце концов, попало уголовное дело о нападении на Гаспаряна, решил предъявить мне официальное обвинение, т.е. говоря юридическим языком – перевести из статуса подозреваемого в обвиняемые. Подобное изменение юридического статуса всегда влечёт за собой постановку следователем вопроса об избрании меры пресечения. По некоторым признакам можно было понять, что обвинение не ограничится статьёй за совершение хулиганства и будет более тяжёлым. А это означало, что на горизонте моей свободной жизни появилась реальная перспектива ареста, суда и обвинительного приговора. Я знал, что в МВД меня считают одним из лидеров действующих в Петербурге неформальных молодёжных объединений экстремистской направленности. Враждебные вихри уже давно веяли надо мной: я ни во что не ставил государственную власть, и она платила мне той же монетой. Теперь передо мной стояла дилемма: ехать на допрос с высокой вероятностью быть арестованным или игнорировать вызов следователя, что фактически было бы переходом на нелегальное положение. Каждое из возможных решений неминуемо вело к множеству вполне предсказуемых последствий. Арест – это социальная смерть, изоляция от привычной среды, психологическая боль и физические страдания в неволе, но также вероятность оправдательного приговора и возможность возвращения гражданских прав и реабилитация в будущем. С другой стороны, жизнь в подполье не предусматривает никакой позитивной программы будущего, - существование под постоянной угрозой задержания без надежды на легализацию. Это путь человека, которому нечего терять, но был ли я таким человеком? В то время я активно занимался организацией жизни молодёжной субкультуры: писал статьи, редактировал и издавал журналы, организовывал культурные и спортивные мероприятия, поездки, концерты, состязания, пробовал работать в интернете, встречался со многими людьми. Моя основная деятельность относилась к сферам журналистики, издательского дела, социальной работы и информационных технологий. Мои планы невозможно было реализовывать, находясь на нелегальном положении и я решил ехать, окончательно определив линию своего поведения: я собирался в полной мере использовать все предусмотренные законом средства защиты, каких был бы лишён находясь в розыске.

Никогда мне не позабыть тот октябрьский день: привычным прямым маршрутом (Заневский-Староневский-Невский) я ехал сквозь побелевший от ночного мороза Петербург, взгляд скользил по архитектурному ландшафту и жадно впивался в каждое проносящееся за окном здание; тесные ущелья столпившихся домов внезапно отступили, и внизу заблестела тёмно-синяя широко раскинувшаяся красавица Нева, открылась акварельная перспектива блестящего полотна тёмной воды, пасмурного без облаков неба с далёкими стоящими на реке мостами и молча застывшим на обеих берегах дымчатым городом; минуту спустя автомобиль съехал с моста и втянулся в узкую прорезь проспекта, через длинный коридор, образованный вертикалями исторических фасадов поехал по району, с которым были неразрывно связаны все двадцать четыре года моей жизни. В преддверии скорой разлуки родной город казался особенно красивым....

Около Дома Книги я вышел и дальше пошёл пешком, отчего вместо назначенных десяти часов оказался на Исаакиевской почти в одиннадцать. В прокуратуре сидящий за массивной стойкой милиционер внимательно изучил мой паспорт и разрешил пройти в кабинет следователя расположенный на первом этаже правого крыла здания. Напротив скучали двое оперативников в штатском, один из оперов забавлялся, крутя в руках наручники и распространявшиеся по пустым коридорам металлические позвякивания заставили моё сердце сжаться. Следователь Тихомиров (ещё довольно молодой мужчина со спокойными манерами) и адвокат ждали моего появления. Далее события развивались с неумолимой быстротой тщательно отлаженного механизма: следователь зачитал текст постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого по уголовному делу №724146, огласил длинный перечень инкриминируемых преступлений, попросил расписаться, вручил копию протокола и объявил, что сейчас мы направимся в суд для избрания меры пресечения. - Надо заметить, что в недавнем советском прошлом следователь имел право единолично принять решение об аресте, в то время как в цивилизованных странах заключение человека под стражу является исключительно прерогативой суда, Законодательные реформы 90-х годов изменили положение вещей, но отсутствие гарантии на быстрое правосудие для обвиняемых в совершении преступлений и формальный характер реформ, свели на нет благие намерения законодателей. Судебно-следственный произвол обрёл новую форму: были созданы экспресс-суды с заседающими в них дежурными судьями после 10-15 минутного рассмотрения в 99% случаев удовлетворяющие ходатайства следователей об аресте. - Оперативники надели на меня наручники, мы вышли из здания, и на двух легковых автомобилях, шестером (на улице к нам присоединился ещё один опер) поехали в суд.

Последний раз, будучи пока ещё формально свободным человеком проехал я, по улицам города испытывая непередаваемую словами грусть. - Может и не посадят тебя... А если и посадят, то ничего страшного тут нет... Посидишь в тюрьме, с интересными людьми познакомишься - с притворной добротой улыбался сидящий рядом опер - немолодой мужичок в кепке. Я только кивнул ему в ответ. Хотя арест был прогнозирован, неожиданным стал большой объём обвинения - в совершении сразу шести преступлений. Я обвинялся в создании экстремистского сообщества (т.е. организованной группы для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности) "Шульц 88", в возбуждении национальной и религиозной ненависти с использованием средств массовой информации (издание и распространение журналов "Made in St-Petersburg", "Гнев Перуна" и других печатных материалов националистического толка), в совершении хулиганства в составе организованной группы (организация нападения на Гаспаряна), в призывах к экстремистской деятельности совершённых публично (побуждение в личных беседах и публичных выступлениях к расправам над выходцами с Кавказа, уроженцами Африки, азиатского региона и лицами исповедующими иудаизм), а также с использованием сми и в вовлечении несовершеннолетних в преступную группу. Связанное с молодёжными течениями незначительное дело о хулиганстве было превращено в социально значимую победу правосудия над политическими радикалами, что вместе с набором довольно экзотических для судебной практики статей предопределяло проведение образцово-показательного процесса. Статья за создание экстремистского сообщества вошла в УК в 2002 году (в рамках принятия Государственной Думой закона о противодействии экстремистской деятельности) и насколько я знал, никто ещё по ней к уголовной ответственности не

привлекался. Следовательно, процесс вызовет повышенный интерес СМИ, и, к сожалению, не могло быть сомнений в негативном характере этого интереса. В ближайшем времени мне суждено стать объектом коллективной ненависти, одним из главных злодеев на российском телевидении в прессе; этот факт я осознал уже через несколько минут после ареста. Впрочем, ценность антирекламы я считал в большей степени положительной, а образ антигероя мне импонировал; но наивная надежда на объективное и беспристрастное судебное разбирательство в таких условиях не могла оправдаться: моя юридическая защита оказалась заранее обречённой на поражение... С невесёлыми мыслями входил я в Октябрьский федеральный суд Адмиралтейского района Санкт-Петербурга.

Процедура избрания меры пресечения прошла в темпе не оставляющем времени для переживаний: представляющая сторону обвинения прокурор Кузнецова (очень красивая девушка нордического расового типа, грациозно-сексуальная в синей форме советника юстиции, с прекрасным лицом и фанатичным взглядом) перечислила вменённые преступления и заявив, что оставаясь на свободе я могу продолжить преступную деятельность, потребовала немедленного ареста; адвокат попросил отпустить меня под подписку о невыезде; я поддержал его ходатайство, ссылаясь на то, что всегда являлся по повесткам, не делал попыток скрыться, ранее не судим, трудоустроен и имею регистрацию в Петербурге; судья (худощавый мужчина в чёрном костюме с неожиданно интеллигентным, умным лицом) выслушал всех и удалился для принятия решения; через десять минут он "Именем Российской Федерации" огласил постановление о заключении меня под стражу и препровождении в следственный изолятор "Кресты" (учреждение ИЗ-47/1 Минюста РФ). Моя судьба была решена.

КПЗ

Тусклый свет лампочки в забранном металлической сеткой пыльном плафоне, бетонный пол, грубо окрашенные масляной краской стены. Я находился в КПЗ (камера предварительного заключения) - небольшом тюремном блоке из нескольких камер на подвальном этаже районного отдела милиции. Полностью обнажённый я стоял посреди комнаты для обысков и, подрагивая от холода, ждал пока милиционеры досмотрят мою грудой сваленную на канцелярском столе одежду.

...Меня привезли на милицейском уазике ещё несколько часов назад, и всё это время пришлось провести в камере-"обезьяннике". Каждый простой гражданин России знает, что в отделениях милиции есть камеры для задержанных двух типов - так называемые обезьянники и аквариумы. Первые представляют собой обычные клетки, сваренные из толстых стальных прутьев, тогда как вторые - полностью изолированные помещения имеющие, по крайней мере, одну стенку из оргстекла. Преимущества нахождения в клетке - неограниченный доступ воздуха и возможность видеть происходящее вокруг. Наблюдая сквозь прутья обезьянника за милиционерами и задержанными, я стал свидетелем нескольких весьма характерных сцен. Сначала доставили двух молодых людей находящихся в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения. Они были настолько пьяны, что их не стали закрывать в камеру, а просто положили на стоящую у стены лавку и, повалившись друг на друга, они сразу заснули. Но ненадолго: внезапно одному из юношей стало плохо и его обильно вырвало на пол, прямо под ноги проходящему

мимо милиционеру. К чести правоохранителя, он и пальцем не тронул студента, очевидно, осознавая его полнейшую невменяемость. Поскольку кроме студентов и меня, других задержанных не было и нельзя было заставить кого-нибудь убираться, вонючая лужа так и осталась "благоухать" посреди комнаты приёма задержанных. Однако минут через двадцать привели представительницу древнейшей профессии - довольно жалкое неопрятное создание неопределённого возраста. Раньше я неоднократно слышал о том, что уличных проституток заставляют мыть полы в милицейских отделах (не говоря уже об услугах иного рода), но увидеть это собственными глазами довелось впервые... Чуть позже привели ещё одного пьяного гражданина и посадили в соседней камере - одиночной камере предназначенной для особо буйных задержанных. Мужчина лет сорока был изрядно навеселе и не стеснялся в выражениях: не успокаиваясь ни на минуту, он наполнил помещение непрерывным потоком громкой брани, беззастенчиво материл и задирали милиционеров, осыпал их градом оскорблений и угроз. И вот карательная группа из троих вооружённых резиновыми дубинками стражей порядка дала аргументированный ответ на все его претензии... Спустя три-четыре минуты крики истязуемого затихли, сменившись приглушённым стоном...

Просмотр сперва казавшихся забавными живых миниатюр из жизни отдела милиции скоро вызвал утомление, после психологически напряжённого дня я чувствовал себя уставшим и когда клетку, наконец, открыли, чтобы отвести меня в КПЗ, ощутил облегчение. Пройдя через несколько коридоров и миновав две металлические двери, я по крутой лестнице спустился ниже уровня земли. Ещё одна стальная дверь и короткий темный коридор предварилки: налево закрытые двери трёх или четырех камер, направо комната для обысков и другие помещения персонала. Процедура полного досмотра: я разделся, двое милиционеров тщательно обыскали и прощупали мою одежду, не найдя ничего запрещённого разрешили одеться. Меня вывели в коридор, и я вошёл в открытую камеру. Дверь захлопнулась.

Во всех учреждениях министерства юстиции предназначенных для содержания заключённых, где мне довелось побывать, архитектура и интерьеры жилых помещений имеют какое-то особенное своеобразие. На ум приходит нечто мрачное - страшные рассказы Эдгара По и оцепеняющие фантастические видения Говарда Лавкрафта: порождённая страданиями заживо похороненных здесь людей атмосфера в местах заключения пронизана скорбным кафкианским духом. Конечно, восприятие тюрьмы не может не быть эмоциональным и даже современное сияющее чистотой здание всё равно наводит на мысли о бесконечно продолжающейся в этих стенах человеческой трагедии. Что же касается камеры КПЗ, где я оказался, то её вид легко заставлял себя почувствовать узником замка Иф - так убого и неприглядно она выглядела. Это был грязный и сырой подвал, еле освещаемый лампочкой в 40 ватт: мебель - три бетонных лежака сверху покрытых досками, окно - перекрытая решёткой не дающая света отдушина, удобства - заляпанный унитаз и раковина, чёрные прокопчённые стены и потолок, десяток квадратных метров неровного каменного пола.

На лежаке сидел мой первый сокамерник - одетый в какие-то подозрительные лохмотья, давно нестриженный и небритый маленький мужичок с морщинистым изнемождённым лицом. В нём угадывался бывалый арестант не один год жизни отдавший тюрьмам и лагерям. Судя по грязи впитавшейся в поры его лица и по всему затасканному, потрёпанному внешнему виду нетрудно было подумать, что

он уже несколько лет пребывает в подвале, однако я знал, что в КПЗ обычно не держат более десяти дней. Мы разговорились, и он охотно рассказал мне нехитрую историю своей судьбы - первую из тысячи жизненных историй услышанных мною в заключении.

Моё предположение оказалось верным: большую часть жизни он провёл за решёткой. Родом он был из области, из небольшого посёлка, где беспробудное пьянство и наличие судимости является неотъемлемым атрибутом принадлежности к мужской части населения. Первая ходка - в пятнадцать лет за кражу бутылки водку и велосипеда. Судья дал три года - срок заключения с небольшими перерывами в итоге затянувшегося на всю жизнь. После освобождения он запил и через неполную неделю был задержан за участие в массовой драке и по подозрению в нанесении тяжких телесных повреждений. Потерпевший - городской парень, неудачно посетивший поселковую дискотеку, попал в реанимацию с закрытой черепно-мозговой травмой, серьёзными повреждениями внутренних органов, переломом руки и рёбер. Только что освобождённый из мест лишения свободы был очень удобным кандидатом на роль козла отпущения и, получив, пять лет вновь поехал на зону. Через четыре года ему удалось освободиться условно-досрочно, но, едва выйдя за ворота, он, угрожая ножом, ограбил случайного прохожего, завладел бумажником со смехотворной денежной суммой, напился и загремел в ментовку. И снова: суд, приговор, зона. Учитывая тяжесть преступления квалифицированного по статье "разбой" и неотсиженный год, а также личность подсудимого ставшего к тому времени откровенным уголовником, суд назначил ему девять лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Отсидев свой срок до звонка, три недели назад он освободился и это был его самый большой перерыв между ходками, о чём он говорил с непонятной гордостью.

Видимо, в течение последнего срока окончательно сформировался так поразивший меня запущенный облик этого коренного обитателя тюрьмы. Зона наложила на зэка неизгладимую печать: кожа приобрела нездоровый оттенок, тело атрофировалось и странным образом деформировалось, сочетание крайнего физического истощения и нервной возбуждённости читалось на землистом лице, озаряемом беззубой улыбкой - глумливой гримасой питекантропа. Но внешность ещё молодого человека в свои тридцатьс небольшим лет выглядевшим стариком, казалась меньшим злом по сравнению с его внутренним содержанием. В ходе общения у меня сложилось впечатление, что вся мыслительная деятельность старого сидельца управляется весьма немногими примитивными инстинктами; мотивации не обнаруживали и намёка на что-либо благородное или возвышенное. Слушая рассказ о его последнем деле, с изумлением смотрел я на это доведённое до полной животности существо, сверкавшее в камерном полумраке своими глубоко запавшими глазами.

Освободившись из далёкого мордовского лагеря, он приехал в Петербург к своему зоновскому корешу - такому же деградировавшему бывшему зэку, не имевшему никаких определённых занятий кроме регулярного употребления алкогольных напитков. Я представил себе его жилище, - наверное, и до сих пор в городе немало таких квартир, где собираются деклассированные элементы, - большая коммуналка в старом фонде, стены оклеенные лоснящимися желтоватыми обоями, высокие потолки - немые свидетели сотен пьяных драк и скандалов, поломанная советская мебель, повсюду раскиданные пустые бутылки, окурки и прочая грязь. Пили водку и технический спирт, дешёвый портвейн подвального

розлива, тому подобные настойки и вина, крепкое пиво, самодельную брагу, самогон, любые спиртосодержащие жидкости. Дни пролетали как будто в тумане. Приходили и уходили вереницы шапочных знакомых, вспыхивали оживлённые разговоры на неопределённые темы, разгорались и затихали временами перерастающие в мордобой пустяковые ссоры. Кто-то спал лёжа на полу у батареи, а кто-то буянил одержимый жаждой конфликтов. Ослабевшие от алкоголя организмы были неадекватны и неуправляемы.

В тот день бухали вчетвером - трое опустившихся мужиков и не первой молодости спившаяся бабёнка известная среди местных ханыг как Люська-Дура. Спирт скоро ударил в голову, пробудив обычно заторможенных алкашей к активности. Говорили, вернее, кричали все одновременно, брызжа слюной и размахивая руками, срывая хриплые голоса. Импровизированная пепельница из пустой консервной банки, треснутые пластиковые стаканчики и кока-кольная бутылка с остатками спирта - поминутно опрокидывались от резких движений и падали на пол. В разгар веселья изрядно набравшаяся Люська испортила собравшимся настроение.

- Постеснялись бы при даме выражаться! - сказала Люська, некстати вспомнив о своей причастности к нежному полу.

- Это тыто дама, собака облезлая? - засмеялись ей в ответ матерящиеся бичи.

- А вы то что, мужчины? - Ханыги, бля! - произнесла Люська роковые для себя слова.

Простить такое оскорбление они не смогли и, накинувшись на нее, задушили, скинули труп на пол и продолжили пить.

Ночью самый трезвый и относительно твердо стоящий на ногах пьяница вынес мёртвое тело во двор дома, намереваясь закинуть его в мусорный контейнер. Однако, как выяснилось уже через несколько часов, ослабевший от многолетних возлияний ханурик не смог забросить труп во внутрь бака и кинул его сразу за помойкой. В итоге водитель приехавшей под утро мусоросборочной машины обнаружил мёртвое тело и незамедлительно обратился в милицию.

Оперативно-розыскные действия по обнаружению убийц заняли от силы пару часов. Ясно было, что покойница являлась асоциальной личностью и, подключив к расследованию местного участкового, опера РУВД мгновенно получили адреса всех проживающих поблизости люмпен-пролетариев. По горячим следам вышедшим на убийц оперативникам не оставило большого труда их расколоть - то есть добиться признания. Для этого не понадобилось прибегать к пыткам, психологическому давлению или сложным логическим комбинациям на допросе - дрожащие отпохмелья ханурики сами всё рассказали операм, как только им вручили немедленное вознаграждение за сотрудничество со следствием - поллитровую бутылку водки.

Так было совершено и раскрыто, на мой взгляд, абсолютно бессмысленное преступление по статье 105 часть 2 УК РФ - убийство, совершённое группой лиц, наказуемое в диапазоне от восьми лет лишения свободы, вплоть до пожизненного заключения. Убеждая себя в наличии многих смягчающих обстоятельств, он рассчитывал получить меньше меньшего, чему слабо верилось, да и не

интересовала меня ни капельки будущее этого человека. Вряд ли ему было суждено когда-нибудь вырваться из властного круга притяжения исправительной системы.

Признаюсь, что, слушая, в общем-то, бесхитростный рассказ я с немалым трудом разбирал услышанное. Смысл постоянно куда-то ускользал от меня, теряясь среди бесчисленных отступлений и ответвлений. Лексика рассказчика была в таком изобилии насыщена русским матом и жаргонизмами, что временами приходилось буквально интуитивно догадываться, о чём он говорит. Нарушенная дикция и неправильные смысловые связи превращали его речь в почти недоступную моему пониманию абракадабру. К счастью, наше общение в дальнейшем свелось к минимуму, ввиду полнейшего отсутствия каких-либо общих точек соприкосновения интересов.

Говорить нам было совершенно не о чем, и всё же я сполна ощутил вторую после некомфортабельных бытовых условий негативную сторону заключения - вынужденное нахождение в тесном сообществе с людьми вызывающими отвращение. Хотя я всегда сочувствовал жертвам социальных болезней, непосредственный контакт с ними - дело малоприятное. Издалека- можно пожалеть, например, наркозависимого, но попробуйте пожить с ним вместев течение хотя бы недели и вами овладеют совсем другие чувства. Новая среда, в основном состоящая из человеческих отбросов, стала неиссякаемым источником моральных страданий доводящих меня до настоящей мизантропии. Ещё никогда я так сильно не ненавидел людей. Лишь постепенно я научился казаться бесстрастным: подобно учёному в интересах науки исследующему что-то омерзительное, я старался не давать воли эмоциям, быть предельно корректным в общении и внешне дружелюбным. Но, конечно, стать совершенно "своим" в среде заключённых, несмотря на все мои карнегианские ухищрения, я не смог, ведь разница между мной и массой преступников была им очевидна.

Медленно потянулись мои дни в неволе. Ежедневные передачи от матери помогли не чувствовать голода, холод был куда важной проблемой. Ночами температура приближалась к минусовой и изо рта шёл белесый пар. Не было ни одеяла, ни матраса; спать приходилось в одежде, скрючившись в позе эмбриона на вросших в железобетонное ложе досках. Я ждал этапа на "Кресты" и понемногу погружался в свойственное всем энкам напряжённое и беспокойное состояние вечного ожидания - ожидания каких-то изменений и событий, ожидания передач и писем, свиданий с родными, банных дней, судебных заседаний и этапов, приговора, отправки на зону и пока что неопределённо далёкого счастливого дня освобождения. Арестовали меня в пятницу и поскольку по выходным дням конвойная служба не работает, в КПЗ мне пришлось провести около трёх суток. В камере нашлась ободранная книга Александра Дюма "Анж Питу" и я с удовольствием посвятил своё время чтению. Одна из глав неоконченного произведения знаменитого французского писателя описывает штурм Бастилии - печально известной парижской тюрьмы для государственных преступников. Восставший народ захватил Бастилию, освободил заключённых в ней узников и полностью разрушил тюрьму ставшую символом тирании правящего класса. О, как сопереживал я узникам после многих лет бессрочного заточения получившим свободу! как завидовал их нежданному счастью!

КРЕСТЫ

В понедельник вечером дверь с лязгом открылась, и меня назвали с вещами на выход: приехал конвой. Конвоиры надели на меня наручники, предупредили о том, что в случае попытки бегства они имеют право стрелять на поражение, - конвойный вытащил из кобуры ПМ, дослал патрон в ствол и убрал обратно,- в окружении четверых конвоиров я вышел на улицу и забрался в автозак.

На страницах книги "В круге первом" Александр Солженицын иронизирует над автозаками времён И.Сталина. Перевозящие заключённых автомашины НКВД были украшены надписями "МОЛОКО", "ХЛЕБ", "МЯСО" и таким образом замаскированы под развозящие продовольствие фургоны. На современном российском автозаке уже нет таблички "МЯСО", но этим в основном и ограничиваются произошедшие изменения. Стандартный автозак окрашен в серо-синий цвет, прекрасно гармонирующий с формой сотрудников МВД. Надписи указывающей на то, что грузом автомобиля являются зэки, отсутствуют и тысячи неприметных фургончиков, не привлекая к себе особого внимания, ежедневно развозят заключённых по тюрьмам, судам, камерам предварительного заключения и исправительным колониям. Внутри автозака имеются: одиночная камера (так называемый "стакан"), куда сажают преимущественно арестованных женщин и два больших отсека, в каждом из которых вдоль стен тянутся узкие лавки. Из-за отсутствия адекватной вентиляции и отопления, летом в машине жарко и душно, зимой - невыносимо холодно. Окон и освещения в помещениях, где находятся арестанты - нет, и они сидят обращённые лицом друг к другу в полумраке, а иногда и в полной темноте. Часто в отсеки загружают по десять и более человек - больше, чем может поместиться, тем более что многие везут с собой объёмистые баулы и сумки с личными вещами. Темнота и теснота, жара и холод - превращают поездки на автозаках в незабываемое приключение на грани со стрессом. Спасаясь от уличных пробок, водители конвойных машин стремятся поддерживать быстрый и маневренный стиль вождения без соблюдения дорожных правил и от каждого резкого поворота или торможения плотно спрессованная масса заключённых подлетает к потолку, бьётся о стены, исторгает крики и ругательства.

Первое мой авто-путешествие под конвоем (а всего за годы заключения мне довелось стать пассажиром автозака более ста раз) затянулось примерно на пять часов. Основную часть времени машина простаивала около КПЗ в других районах города, где скопились подобные мне арестованные, ожидающие конвоя в тюрьму. После того как автозак забрал последнего на сегодня пассажира, начался объезд следственных изоляторов. СИЗО на улице Лебедева - специзолятор ФСБ- СИЗО в посёлке Горелово - СИЗО на Арсенальной набережной - и, наконец, последняя остановка: Кресты.

Кресты - пожалуй, самая известная действующая тюрьма Петербурга. Построенные на берегу Невы уже более века назад тюремные корпуса Крестов, невзирая на все произошедшие в стране социальные катаклизмы продолжают выполнять своё предназначение. Силой государства здесь изолированы от полнокровной жизни тысячи людей обвинённых в совершении всех предусмотренных уголовным кодексом преступлений. Совсем молодые люди и убелённые сединой старики, бывшие депутаты и бомжи, наркоманы и профессиональные спортсмены, русские и иностранные граждане, мелкие

воришки и руководители мощнейших ОПГ - любые формы криминального мира и человеческой жизни представлены среди заключённых СИЗО №1. Кресты - тюрьма историческая. Когда-то здесь отбывал трёхмесячный срок наказания отец автора "Лолиты", лидер российских конституционных демократов начала XX века Владимир Набоков, отсюда бежал бандитский ужас Петербурга эпохи военного коммунизма - легендарный Лёнька Пантелеев. За пережившими поколения узников красными кирпичными стенами предстояло познать все тяготы лишения свободы и мне.

Выпрыгнув из автозака на асфальт внутреннего дворика, следом за конвоирами, держащими в руках пачки личных дел, я в числе десятка новоприбывших прошёл в подвальное помещение тюрьмы. Посреди широкого протяжённого коридора с закруглённым потолком вдоль стены находилась железная клетка, напоминающая клетки в залах российских судов. Только вместо скамьи подсудимых там стояла похожая на трибуну высокая стойка, за которой шелестели листами документов сотрудники СИЗО. Передача арестованных в ведение администрации учреждения состоялась после установления их личности. Сотрудник называл фамилию, после чего названный подходил к трибуне, отзываясь произнесением своего имени, отчества, даты рождения, статьи, домашнего адреса и суда давшего санкцию на арест. Сотрудник сверял услышанное с информацией содержащейся в бумагах и называл следующую фамилию. По завершении примитивной идентификации нас вывели в другой коридор и заперли в камере, где нам было суждено провести надвигающуюся ночь.

Это был так называемый "спальник" - камера для временного (от одной ночи до трёх-четырёх суток) содержания этапов. Как и следовало ожидать, обстановка камеры служащей перевалочным пунктом в бесконечных скитаниях пленников пенитенциарной системы отличалась непритязательностью: четыре/пяты площади занимали двухэтажные нары представляющие собой железный каркас заложённый отполированными телами тысяч эзков досками. На стенах и потолке я впервые увидел странное изобретение дизайнеров ГУЛАГа - так называемую "шубу" - толстым неровным слоем покрывающие поверхность цементные брызги. Свободному человеку сложно объяснить психологический эффект оказываемый шубой: традиционно слабое освещение создаёт подавляющее психику воздействие придавая атмосфере сюрреалистический характер - камера превращается в выдолбленную в глубинах гор безрадостную тёмную пещеру; кроме того в неровностях шубы находят убежище орды кровососущих насекомых, доставляющие ээкам множество беспокойств.

Расположившись на втором ярусе рядом с выходящим во двор окном с двух сторон намертво заблокированным решёткой из ребристых арматурин, я понемногу оглядел своих товарищей по несчастью. В большинстве, здесь были молодые люди тридцати-тридцати пяти лет, не выражавших ни малейших признаков озабоченности в связи с роковой переменой своей судьбы. Напротив - они выглядели возбуждёнными и даже воодушевлёнными, громко смеялись, шутили, предавались надеждам, которые я пока ещё не был способен оценить. На первый взгляд, все они казались уже прошедшими в прошлом суровую школу тюрьмы, что вполне подтвердилось следующим днём. Много говорили о грядущем распределении по жилым камерам ("хатам") должном произойти после прохождения завтрашних формальностей, таких как медицинский осмотр и снятие отпечатков пальцев. Рассказывали, что всего пару лет назад приходилось проходить двухнедельный карантин - полмесяца жизни в таком же неустроенном

спальнике; сейчас задержек с распределением никто не ожидал потому что "порядки в Крестах изменились". Говорили о том, что тюрьма "разгружена" и больше нет недостатка спальных мест, тогда как в 1999-2002 годах в шестиместные камеры централа набивали по десять-двадцать человек и людям приходилось спать по очереди - в две-три смены, не говоря уже о других неудобствах причиняемых теснотой.

Тем временем откуда-то появилась пачка крупнолистового чая, кипятильник и литровая эмалированная кружка называемая на тюремном жаргоне "чифирбаком", по названию сверхкрепко заваренного чая "чифира", очень любимого почти всеми зэками. В камере отсутствовала электро-розетка, но это никого не смутило. Постоянно сталкиваясь в неволе со многими бытовыми трудностями, российские зэки преодолевают их, овладевая разнообразными специфическими умениями иногда способными сильно удивить свободного человека. Хозяин кипятильника ловко подключился к проводке освещения и вскоре, собравшись в кружок на верхнем ярусе яр, мы пили горячий чай настолько крепкий, что у меня внутри рта с непривычки всё онемело.

Впереди - ждал тяжёлый день. Камера постепенно затихла; лёжа на верхней одежде постелённой на нарах вместо матрасов люди забылись сном.

В пять утра привезли завтрак. Его подавали через маленькое квадратное оконце в центре двери (так называемая "кормушка"). Я не рискнул его отведать, тем более что вследствие всех волнений связанных с арестом у меня совершенно пропал аппетит.

В восемь утра хмурый инспектор в камуфляжной форме открыл дверь спальной камеры, и мы отправились проходить необходимые процедуры. Толпой нас водили по кабинетам расположенным на обеих сторонах подвального коридора. В одном из кабинетов у заключённых брали кровь на анализ, в другом - взвешивали и измеряли рост, в третьем - записывали анкетные данные. (Тут я убедился, что каждый из вновь прибывших действительно имел неоднократные судимости и многочисленные "ходки" в лагерь). Большую часть работы выполняли зэки одетые в чёрные робы, так называемые "рабочие",- т.е. уже получившие срок арестанты оставшиеся по разрешению администрации в тюрьме для выполнения хозяйственных работ. Рабочие зэки фотографировали новоприбывших зэков, производили измерение параметров тела, заполняли документы, делали забор крови для анализов и т.д. Некоторые рабочие подходили к вновь прибывшим с целью приобретения каких-нибудь вещей в обмен на чай и сигареты. В особенной цене были наручные часы, кроссовки и спортивные костюмы. Здесь следует пояснить, что для среднестатистического арестанта чай, и сигареты являются продуктами так сказать стратегического значения и жизненный тонус многих напрямую зависит от того, обладает ими арестант или нет.

В завершение процедуры приёма/оформления следовала помывка и обработка всех нательных вещей в "прожарке" - специальном агрегате, где одежда подвергается воздействию высокой температуры для истребления возможно находящихся на ней паразитов. Пока нашу одежду "прожаривали", мы, столпившись меж чёрных стен тюремного душа и толком ничего не видя в тускло-красном свете единственной лампочки, стояли под тонкими струями льющейся откуда-то сверху тепловатой воды.

Когда все процедуры были полностью завершены, всё тот же хмурый инспектор в камуфляже дал команду построиться в колонну по двое. Зигзагами подвальных коридоров, через помещения имевшие вид давно заброшенных катакомб, вверх по узким лестницам со стёртыми от прикосновений бесчисленных ног каменным ступенями, мы шли к жилым корпусам.

Необходимо сделать небольшое отступление касающееся планировки тюрьмы. Будучи ещё свободным человеком, я, конечно, слышал множество историй связанных с Крестами, и бывало, проплывал на теплоходе по Неве или проезжал на машине мимо обнесённого высоким забором с колючей проволокой комплекса угрюмых краснокирпичных зданий. Однако о внутренней планировке Крестов я не имел никакого представления. Некоторая ирония судьбы мне виделась в том, что за несколько месяцев до ареста я узнал о проводимых здесь экскурсиях и загорелся идеей побывать в знаменитой тюрьме. Теперь мне была предоставлена возможность побыть здесь неограниченно долгое время и детально изучить не только особенности планировки, но и вплотную соприкоснуться с бытом заключённых. Первое моё открытие было в том, что само название Крестов непосредственно связано с конфигурацией двух четырёхэтажных жилых зданий, соединённых между собой сложной сетью подземных коммуникаций. Они имеют форму огромных правильных крестов и, наверное, весьма эффектно смотрятся с воздуха. Каждая из восьми излучин Крестов вмещает приблизительно около ста шестиместных камер по 12 м, имеет порядковый номер и называется корпусом. На первом кресте корпуса имеют номера 1,2,3 и 4, а на втором - 5,6,7 и 8. В центре каждого креста находится огромное помещение, изнутри напоминающее просторный храм, по горизонтальному разрезу круглое, а по вертикали не имеющее потолков на высоту всех четырёх этажей корпусов до самой увенчанной куполом крыши. Корпуса отделены от центрального открытого пространства решёткой и на высоте их этажей называемых галереями идут внутренние сплошные балконы, а под куполом натянута мелкая сетка наподобие сетки предохраняющей акробатов от несчастных случаев в цирке. Здесь она выполняет функцию защиты от самоубийств арестантов, если они захотят свести счёты с жизнью, выбросившись вниз на арену круга. Круг в середине креста это не просто геометрический центр здания - это обязательная проходная точка для перемещений между корпусами; по идущей спиралью вдоль круга вверх лестнице можно попасть на любой из корпусов.

И вот из глубины тюремного подвала мы вышли на круг второго креста, и в этот момент я впервые окунулся в созданную двумя с половиной тысячами арестантов тревожную атмосферу, услышал неясный гул, образованный сотнями голосов, почувствовал странный неприятный запах, сотканный из вони тюремной баланды, пота и нечистот, отработанного человеческими лёгкими воздуха, сигаретного дыма, ароматов боли, отчаяния и усталости. С корпусов доносились разнообразные звуки, - звон ключей тюремщика, лязг открываемых дверей и топот ног по деревянному настилу галереи, обрывки каких-то хриплых фраз, которыми перебрасывались ээки, высунувшие наголо обритые головы из кормушек, жалобное мяуканье тюремных котов, скрип развозимых рабочими тележек с баландой, позывные безнадежно далёких радиостанций, - в центре круга все звуки сливались воедино и, отражаясь об своды купола, рассеивались вокруг. Тюрьма жила своей ни на что не похожей жизнью.

Остановив движение колонны, инспектор, сверяясь с бумагами, назвал фамилии заключённых и номера корпусов, куда они должны пройти для распределения по

камерам. Мне досталась семёрка. По узкой металлической лестнице я поднялся до корпуса с закреплённой на локальной решётке подобно дорожному знаку цифре 7. Вход на корпус находился на третьей галерее, рядом со входом стояла корпусная (наполовину застеклённый квадратный деревянный ларёк) - место постоянной дислокации сотрудников на корпусе. Очередной стакан для зэков - большая стальная клетка - уместно смотрелся бы и в зоопарке.

Скоро я услышал свою фамилию. Её произнёс вышедший из корпусной полноватый парень лет двадцати восьми с погонами старшего лейтенанта и нашивкой министерства юстиции на новеньком камуфляже. Это был крестовский оперативник Дмитрий Стебенёв в дальнейшем ещё около года проводивший мою разработку в стенах СИЗО №1. Хотя ранее мы никогда не встречались, он встретил меня как старого, но не очень доброго знакомого, с первых слов показал большую осведомлённость об обстоятельствах уголовного дела и моей роли в скинхэд-движении. Он же открыл свой источник информации, сказал, что день назад встречался с оперативником 18 "антиэкстремистского" отдела управления по борьбе с организованной преступностью Георгием Владимировичем Бойко бывшим моим злым демоном-преследователем в течение многих лет; о нём я неизбежно должен буду ещё не раз написать ниже. В конце ни к чему не обязывающего разговора Стебенёв сообщил мне номер камеры, куда я должен сейчас проследовать и откровенно улыбнулся. Я хорошо помнил, как начальник 18 отдела УБОП угрожал мне в случае ареста камерой с кавказцами и ничуть не сомневался в реальности его угроз. Однако особого страха я почему-то не почувствовал и спокойно собирался принять все уготованные мне государственной системой испытания.

Инспектор открыл дверь камеры 758, и я вошёл вовнутрь. На нижней полке трёхъярусной кровати сидели два здоровенных смуглых кавказца, на верхах я увидел ещё несколько нерусских лиц.

КРЕСТЫ: 758

Вот уже почти месяц как я живу в камере 758. Стоит священный месяц рамадан и оказавшиеся верными мусульманами кавказцы (на деле один из сокамерников выходец из Таджикистана, другие - уроженцы Северного Кавказа) в течение каждого дня (пока солнце стоит над землёй) постятся, ничего не едят, а когда на город опускается ночь, быстро покидают свои спальные места и торопливо утоляют голод. Занимающий неофициальное положение старшего камеры ингуш Ахмед вечерами надевает смешную, наподобие турецкой, но только чёрного цвета шапочку с кистью, торжественно достаёт из висящего на решётке у окна пакета Коран, берёт его в левую руку и правой рукой перебирая молитвенные чётки, с явным трепетом в голосе читает по-русски и вслух священные суры главной книги ислама. Ахмед говорит, что истинные последователи пророка (благословенно имя его!) в месяц рамадан должны ежедневно не менее часа читать Коран и вообще стараться вести как можно более праведный образ жизни. Поэтому ранее кутившие Кабардинец и таджик перед рамаданом решили отказаться от этой дурной привычки. А когда я в передаче получил два килограмма сделанной из свинины колбасы, утомлённые постом правочерные даже старались на неё и не смотреть.

В общем, кавказцы оказались не такими уж и плохими ребятами, я был жив, здоров и не ощущал чрезмерных неудобств от соседства с выходцами с Юга. Как только всё я зашёл в камеру, Ахмед спросил, по какой статье меня обвиняют, и я честно ответил ему, что арестован по обвинению в совершении преступлений по мотивам межнациональной вражды. По-видимому, глядя на меня - простого паренька невзрачного вида (чем более одиозным становился мой имидж, тем менее примечательной становилась моя внешность), он - здоровенный 35-летний борец-горец никогда не пробовавший ни наркотиков, ни алкоголя, ни сигарет, отец пятерых (!) дочерей, уже три года находящийся в тюрьме по обвинению в двойном убийстве, посчитал меня за не заслуживающего серьёзного внимания хулигана. Больше меня ни о чём не спрашивали. - Согласно старым тюремным понятиям расспрашивать сокамерников об обстоятельствах дел не принято и достаточно узнать по какой статье выдвинуто обвинение. Негласное правило продиктовано соображениями безопасности, ведь в камере может оказаться "сливающий" операм информацию "стукач". - Когда же спустя несколько дней сообщили о моём аресте и с тех пор начали периодически упоминать о "Шульц 88" в сводках новостей и в криминальной хронике, кавказцы были шокированы. Высокий крепко сложенный молодой Таджик, приехавший в Питер из Екатеринбурга, бывало, жаловался на тамошних скинхэдов разбивших ему голову и сделавших инвалидом (ночами его мучила жестокая мигрень, а на месте удар арматурой по черепной коробке образовалась вмятина), однако никаких претензий лично ко мне не высказывал.

Одной из причин внешне толерантного отношения кавказцев к "заезшему скинхэду", как я со временем понял, был страх перед администрацией и провокациями. Покинувшие в поисках заработка родные места кавказцы в городах России слишком часто сталкиваются с произволом правоохранительных органов. Не имея регистрации и разрешения на работу, они подвергаются бесконечным поборам, обманам и унижениям и даже получив с большим трудом официальный статус трудового иммигранта, в любой момент могут быть задержаны без объяснения причин, например по подозрению в причастности к исламистскому террористическому подполью. В результате обычный иммигрант, в том случае, конечно, если он не является профессиональным преступником, а таких в камере 758 не было, впитывает в черты своего характера балансирующую на грани со страхом осторожную подозрительность перед властями, ещё больше усиливающуюся, если он попадет в места лишения свободы.

Ахмед "решал вопросы" с администрацией, т.е. постоянно давал взятки сотрудникам следственного изолятора, за что ему позволялось спокойно сидеть в 758 и "затягивать туда единоверцев считавших, что лучше сидеть со "своими", чем идти в камеры к русским, где их судьба могла сложиться по разному. Но коррупционные схемы вытягивания денег из арестантов не оставляют последним никакой надежды на стабильную жизнь. Среди сотрудников существовало распределение ролей: если одни решали вопросы, получая за это хорошую плату, то другие их ставили совершенно бесплатно. Договориться же со всеми было невозможно - тюрьма это кормушка для десятков коррупционеров за два-три года сколачивающих на зэках целые состояния. Солидный человек, попадая в тюрьму, настраивается платить - платить за всё, тем самым, обеспечивая себе по местным меркам достойный уровень жизни. Вместе с тем, денег продажным ментам никогда не бывает достаточно и урегулирование любой возникшей проблемы, в том числе, например, значительного конфликта в камере, требует дополнительной оплаты. Если финансовые поступления в карман сотрудника по

каким-то причинам задерживаются, наступают незамедлительные кары. Самое неприятное наказание это внезапный перевод из своей (отремонтированной за свой счёт и своими руками) камеры в другую - мгновенное разрушение ставшего привычным маленького мирка, последующие волнения, связанные с переездом и необходимостью налаживать психологический контакт с новыми незнакомыми людьми.

Не без оснований Ахмед считал, что распределение меня в 758 является провокацией направленной не только против меня самого, но и против них. Кроме того, прямодушный горец сразу же правильно оценил смоделированную операми ситуацию и сказал, что если, посадив меня в 758, мусора хотят, чтобы я от этого страдал, то он им в таких делах не помощник.

Другая причина нормальных взаимоотношений относилась, как это ни странно, к сфере идеологической. Ахмед и другие, как, оказалось, придерживались своеобразных политических взглядов, имевших немало параллелей с моими собственными убеждениями. Они были не просто довольно религиозными людьми - их смело можно было назвать исламскими фундаменталистами. С глубоким презрением они порицали порождённые духовной опустошённостью пороки европейской цивилизации, ругали богатых евреев, сконцентрировавших огромную власть для целей, по их мнению, низких и неблагодарных. Такие ставшие вполне обыденными явления российской жизни как проституция, массовые наркомания и алкоголизм, коррупция, отсутствие уважения к старикам, равнодушие к детям, вызывали у них такое принципиальное неприятие, какое есть у редкого русского человека. Несмотря на ярую приверженность учению ислама, они очень уважительно отзывались о христианстве, называли Иисуса великим пророком и при этом вполне справедливо сожалели, что настоящих или как говорят в России воцерковлённых христиан совсем немного. Единственной конфликтной темой для нас мог быть стать вопрос независимости Чечни, но уроженец тех мест Ахмед был преисполнен такого бесхитростного и беззаветного патриотизма, что мне просто нечего было ему противопоставить.

По сравнению со свободной жизнью существование в тюремной камере было скучным, малоподвижным, статичным. Главные развлечения доставляли прогулка продолжительностью один час и просмотр телевизора. Дома не забыли меня (первую передачу в Крестах я получил спустя двадцать минут после того как впервые вошёл в камеру) и знакомство с неаппетитно пахнущей баландой откладывалось. Вечерами я ложился на кровати лицом к маленькому окну и долго смотрел, как мокрые снежные хлопья бесконечно падают с высоты чёрного неба. Наступала зима.

Раз в неделю приходил мой адвокат - Николай Алексеевич Прокопьев. Для свидания с адвокатом меня выводят из камеры, через круг и длинный узкий подземный коридор ведут на первый крест в следственные кабинеты. В одном из кабинетов ждёт Николай Алексеевич - скромный сорокалетний человек с типично русской внешностью обычно одетый в серый английский костюм. Мы обсуждаем перспективы дела представляющиеся весьма туманными. Пока продолжается проводимое следователем Тихомировым предварительное расследование, сторона обвинения, как это водится в российском уголовном судопроизводстве, ссылаясь на тайну следствия, не предоставляет никаких материалов дела и можно только догадываться, какие доказательства они собрали или сфабриковали. Я соглашаюсь с адвокатом, что реально строить линию защиты

нужно будет после передачи уголовного дела в суд. Чтобы немного развлечь меня Николай Алексеевич рассказывает об интересных случаях из своей практики, а также приносит ксерокопии газетных статей посвящённых моему аресту. В тюрьме адвокат это единственный физически доступный человек, не выражающий равнодушия или негативного интереса к моей судьбе.

Не менее частым моим "гостем" в стенах Крестов стал тот, кого я назвал своим злым демоном-преследователем - Георгий Бойко. Наше знакомство в реале состоялось тогда же в Крестах, однако наши жизненные пути роковым образом пересеклись задолго до моего ареста. Ещё в 2001 году, когда Бойко работал опером в УВД метрополитена, он воспылал ко мне злобой, в течение времени разросшейся до маниакальных размеров. Как он признаётся сам (на страницах написанной совместно с Ильёй Стоговым документальной книги "Неприрождённые убийцы"), обо мне он впервые узнал случайно, мимоходом услышал от какого-то задержанного подростка, что существует скиновская группировка "Шульц88", что лидер там Шульц и больше ничего никому о них не известно. В круг служебных обязанностей Бойко входило расследование преступлений совершённых в петербургском метрополитене и надо сказать, что в те годы многие неприятности происходили в метро именно по вине бритоголовых. Поймать скинхэдов и тем более организованных скинхэдов, как говорится "за руку" - на месте совершения преступления - было практически невозможно и тогда Бойко начал активно собирать информацию о молодёжных экстремистских объединениях с целью вербовки в скин-среде информаторов и внедрения агентов. Основная цель, у него была, разумеется, одна - отправить за решётку главного организатора силовых акций и массовых беспорядков в питерской подземке. По ряду причин генеральным зачинщиком всех происходящих под землёй безобразий он посчитал меня. Ведя напряжённую оперативную работу, Бойко всё больше узнавал о "Шульц88" и, кажется, начинал ненавидеть меня всё сильнее, подозревая во всех мыслимых и немыслимых грехах против правопорядка и законности. Так он узнал, что нападения на иностранцев "Шульц88" организовывают на регулярной основе - не менее раза в неделю, по несколько кровавых атак в день и теперь, изучая сводки происшествий, он не знал покоя, не в силах остановить машину правого террора. Ещё, он узнал, что никто из участников организации не знает ни моего адреса, ни телефона, что в банде установлена строгая дисциплина, основанная на принципе единоначалия, и стал считать меня очень опасным человеком. Первая попытка зацепить меня осуществлённая Бойко в 2001 году потерпела полнейшую неудачу и отныне его "зацикленность" на Ш88 перешла всякие границы разумного.

7 ноября 2001 года по случаю очередной годовщины большевистского переворота "Шульц88" акционировали (группировались для совершения силовых акций) и в этот день в перегоне между станциями метро "Невский проспект" и "Сенная площадь" прямо в вагоне подземного электропоезда были избиты двое граждан Танзании. От своих стукачей Бойко получил информацию о возможной причастности к нападению ребят из Ш88. Не теряя времени, Бойко провёл задержания нескольких бывших ему известными рядовых участников организации (среди них находились впоследствии знаменитые Алексей Воеводин "СВР", Дмитрий Боровиков "Кислый", а также сын руководителя питерского филиала РНЕ Я.К.) и в ходе допросов вынудил некоторых к признанию. Сверхзадача Бойко, конечно, заключалась не в том, чтобы привлечь к уголовной ответственности юных "шульцов", тогда ещё даже не достигших совершеннолетия, а в аресте главного вдохновителя, лидера и организатора преступления - Шульца. Каково же

было разочарование Георгия Владимировича, как только стало ясно, что Шульц, обычно всегда возглавлявший скинов в атаках, 7 ноября сославшись на дела, уехал домой за полчаса до избиения танзанцев. Дело развалилось окончательно, когда на опознании потерпевшие негры не смогли узнать своих обидчиков. Газета "Петербургский Час Пик" опубликовала тревожную статью о росте ксенофобии в Санкт-Петербурге, а Георгий Бойко почему-то жутко на меня разозлился.

Прошли годы. Я десятки раз разговаривал с десятками парней разговаривавшими с Бойко. Каждому он говорил, что поймает меня и посадит; мне же оставалось только недоумевать, чем я заслужил столь глубокую негативную привязанность. В феврале 2003 года был создан 18 отдел УБОП специализировавшийся на расследовании преступлений экстремистской направленности. Я не сильно удивился, узнав о назначении Бойко в отдел старшим оперуполномоченным по особо важным делам. Он и ориентировал 18 отдел на выполнение задачи №1 - арест Шульца. Отныне против меня работали уже два десятка оперов - не самых плохих профессионалов и исход дуэли с государством стал во многом предопределён.

Теперь мы часто встречались в тюремном подвале и могли, наконец, посмотреть друг другу в глаза. Бойко много рассказывал о себе и своей семье, и некоторые подробности его жизни стали для меня новостью. По образованию он оказался биологом, и какое-то время даже работал в школе учителем. Его родители участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, и он часто апеллировал к ним, критикуя мои взгляды, потому что его отец был евреем. Попытки объяснить ему, что мои отношения с людьми строятся на более гибкой основе, были безуспешны - он не слушал меня. Ему просто было необходимо выговорится, выговорится перед человеком, преследование которого, он сделал целью своей жизни...

Оперативник УБОПа посещал меня не только для отвлечённых разговоров. Вместе со Стебенёвым они постоянно давили на меня, принуждая к даче признательных показаний. Я интуитивно чувствовал, догадывался о слабости доказательной базы обвинения и вообще отказывался от дачи каких-либо показаний, намереваясь придерживаться данного решения в ходе всего судебного процесса. Столкнувшись с моей несговорчивостью, Бойко просил Стебенёва, чтобы он принял соответствующие меры воздействия. Первой такой мерой и стало распределение в камеру 758. Оперативники ждали, когда измученный вынужденным соседством с кавказцами я соглашусь на сотрудничество со следствием, однако время шло, а я ещё ни словом не выразил недовольствия своим положением и равнодушно игнорировал подколы Бойко по поводу соседней мусульман.

Усталый вернувшись в камеру, я читал или продолжал затянувшийся спор о преимуществах и недостатках ислама. Всё чаще юный Кабардинец призывал меня принять истинную веру. Однажды ночью, он шёпотом рассказал мне, что после освобождения отправится в тайный тренировочный лагерь, где ведётся подготовка бойцов незаконных вооружённых формирований сражающихся с федеральными силами на Северном Кавказе. Кабардинец предложил мне поехать туда вместе с ним. "Интересное предложение" - подумалось мне.

КРЕСТЫ: 448, 452, 102, 821, 780, 758, 732, 448А, 791...

В жизни современного человека возникает множество провоцирующих стресс ситуаций. Неудобства причиняемые давкой в общественном транспорте, идиотская реклама перебивающая показ интересного фильма, очередное "незначительное" повышение квартирной платы - могут вызвать лёгкое беспокойство и испортить настроение. К куда более серьёзному нарушению эмоциональной стабильности приводит увольнение с работы или смерть близкого человека. Но первую строку в перечне стресс-факторов лавиной обрушающихся на человека и полностью перетряхивающих весь его внутренний мир, занимает арест. Ещё вчера бывший свободным, привыкший по собственному усмотрению распоряжаться собой и своим временем человек, сегодня попадает в тюрьму и оказывается заключённым в маленькое изолированное пространство, не предусматривающее для него никакой свободы жизненного манёвра. Потеряв независимость, он из субъекта исторического процесса превращается в обычный объект, зарегистрированный учреждением министерства юстиции в качестве обвиняемого по такой-то статье и принуждается к выполнению канцелярских инструкций детально регламентирующих его подневольное существование. Родные люди и привычные занятия оказываются вне зоны доступа арестанта, и он испытывает сильнейшее эмоциональное потрясение, ведущее к депрессии и отчаянию. Лишённый возможности привычным образом проявлять свою активность человек становится собственной тенью, его время останавливается и лишь навязчивые воспоминания о прошлом мелькают в потоке серых арестантских дней. Внутренние страдания усугубляются страданиями физическими: суровые условия тюремной жизни не дают ни расслабиться, ни забыться, и снежная лавина тяжелейшего стресса накрывает того, кто недавно считал себя уникальной и неповторимой личностью, с головой; сейчас это запуганное существо не понимающее, что с ним происходит и проявляющее в поведении явные признаки неадекватности.

Но всё проходит и рано или поздно человек адаптируется к новым условиям существования, успокаивается и начинает видеть положительные моменты там, где ранее и не подумал их искать. На первый взгляд казавшаяся невыносимой жизнь в заключении обнаруживает многие стороны, позволяющие хотя бы на время почувствовать себя полноценным человеком. Сквозь застилающие глаза мрак проступают новые перспективы и ориентиры. Адаптация неизбежна, однако в моём индивидуальном случае совсем не было времени на передышку и привыкание проходило с трудом.

В ходе последнего сеанса общения с Бойко и Стебенёвым был выдвинут ультиматум: либо признательные показания и сотрудничество со следствием, включая разглашение всех эпизодов деятельности "Шульц88", либо мне будет устроена тотальная прожарка. Желая ускорить развязку и окончательно расставить все точки над "i", я ответил категорическим отказом. Тогда Стебенёв сказал, чтобы, вернувшись в камеру, я собирал вещи и готовился к переезду. Переводить из камеры в камеру меня собирались до тех пор, пока я не изменю свою позицию.

"Катать" зэков по хатам - излюбленное наказание тюремных оперов. "Корпусной" - сотрудник в чью обязанность входит открывать и закрывать камеры - внезапно стучит кулаком в кормушку, выкрикивает твою фамилию и двадцать минут спустя дверь открывается и ты уходишь в неизвестность. Переезды могут продолжаться

месяцами: только успев познакомиться с новыми людьми и кое-как переночевав, на следующее утро ты уже вновь тащишь свой баул по галерее, ища глазами приколоченный к двери номер твоей следующей отведённой под проживание камеры. Сильный стресс тебе гарантирован, ведь даже такой серьёзный человек, как «ночной губернатор Санкт-Петербурга», лидер «тамбовской ОПГ» Владимир Кумарин в своих воспоминаниях упоминал, как давят на психику арестанта эти «поиски тюремного счастья» по воле оперов.

Переезды не были бы так тяжелы и утомительны, если бы в разных камерах не существовали различные формы взаимоотношений арестантов. В начале первого десятилетия XXI века в Крестах находились многие участники банд ставших печально известными в 90-е годы. Принято считать, что эпоха бандитского беспредела давно канула в лету, однако отмороженные герои кровавых событий прошлого, из тех, кто остался в живых, и до сих пор существуют, находясь в тюрьмах и лагерях уголовно-исправительной системы. В отличие от уголовников старой, ещё советской закалки придерживающихся в неволе строгих, но справедливых арестантских понятий, отморозки, как говорится, не знают ничего святого и продолжают беспредельничать теперь уже в тюремных стенах. Их намерения обычно имеют корыстный мотив (кроме тех случаев, когда в силу ставшей генетически врождённой жестокости им доставляет удовольствие насилие и издевательства над более слабыми сокамерниками): они вымогают у своих жертв большие суммы денег, для получения которых несчастные занимают у друзей и родных и даже продают свои квартиры; применяя жестокое насилие и угрозы, отморозки подавляют у людей волю к сопротивлению, после чего делают с ними всё что хотят. И естественно, вымогательства происходят при активном участии коррумпированных ментов, которые распределяют нужных людей в нужные камеры, закрывают глаза на творящийся беспредел и получают в итоге свою долю.

Конечно, мне не хотелось попасть к беспредельщикам, но больше всего пугала нависшая как дамоклов меч мрачная перспектива оказаться в "петушатнике" - среди представителей тюремной касты отверженных называемых "обиженными", "угловыми" или попросту пидорами. Пытаясь лишить меня психологического равновесия, Стебенёв каждый раз угрожал переводом в такую камеру и, будучи совсем неопытным арестантом, я был склонен воспринять его угрозу всерьёз. По сложившимся негласным правилам сажать нормальных зэков в петушинные хаты было нельзя и всё-таки существовала реальная вероятность провокации. Здесь надо понимать, что по тюремным понятиям, зэк, однажды переступивший порог петушатника больше не имеет хода назад. Единственная возможность сохранить статус нормального заключается в том, что он должен "поставить на лыжи" находящихся там петухов, т.е. заставить их, выйдя на утренней проверке отказаться возвращаться назад. Чтобы реализовать эту возможность необходимо обладать большой физической силой, потому что петухи навряд ли захотят покинуть свой дом добровольно и их нужно будет бить пока они не "сломятся". Куда легче просто не заходить в "стрёмные" хаты (правда, я слышал истории, как мусора насильно закидывали туда людей), однако номера всех петушатников в Крестах, где почти тысяча камер, были мне неизвестны. Поэтому прежде чем зайти в хату я был вынужден стучаться в соседние и спрашивать, всё ли в порядке.

Катание по Крестам затянулось на три месяца, четверть года, девяносто дней. Под конец этого чудовищного марафона я похудел и осунулся, а моя личность

начала расщепляться, память ослабла, сообразительность заметно понизилась. Переезжая из камеры в камеру, я уже не обращал живого внимания на людей, какое переполняло меня сразу после ареста: десятки лиц узнанные в долгом путешествии незаметно сложились в одно коллективное безобразное лицо, казалось вторгающееся в сознание откуда-то из романов Уильяма Фолкнера.

Везде меня встречали по-разному. Кто-то выражал равнодушие, а кто-то сочувствовал, одни восторгались масштабами моего дела, тогда как другие отзывались грубо и неприязненно. Я словно плыл по течению жизненной реки уже не чувствуя боли когда могучая волна вдруг бросала меня и била головой о камни. В одной из камер меня сильно избili без всяких видимых причин, а в следующей рассказали, что Стебенёв обещает отсутствие наказания даже в том случае если меня убьют. В самый разгар репрессий я пережил глубоко личную трагедию - меня отставила любимая девушка. О ней я часто думал, находясь в заключении и даже теперь, спустя шесть лет мне мучительно тяжело берeditь эту старую рану. Напишу только, что та любовь была моей настоящей; её я называл весной своей жизни и после неё в душе наступила затяжная осень...

Всему приходит конец, и в марте 2004 года уголовное дело было передано в суд. Добиваться признаний больше не имело смысла и меня оставили в покое. Открылась новая страница моего тюремного бытия, новая страница моей жизни.

КРЕСТЫ: 791 (part 1)

В 791 я задержался надолго. Относительно просторная недавно отремонтированная камера с покрашенными в белый цвет стенами, видом на Неву и телевизором собрала необычный коллектив заключённых. На центральных ролях здесь был Медведь - жутко здоровый коренастый мужик с лицом человека, которого вы можете увидеть последним в жизни - когда он придёт вас убивать. Откровенно бандитское было лицо. Медведь пользовался в Крестах большим авторитетом, решал вопросы с сотрудниками всех мастей, был человеком широкой натуры. Звали его Виктор, а прозвище Медведь происходило от фамилии Медведев. Впрочем, и без фамилии он походил на свирепого медведя вставшего на задние лапы и принявшего человеческое обличие. При взгляде на его крупные черты лица и бесформенно переломанные уши (в молодости он профессионально занимался классической борьбой) было достаточно двух секунд чтобы понять: определённо опасный хищник. Как должно быть и положено диким зверям этот Медведь разгуливал на свободе не просто так: обвинительное заключение по его уголовному делу повествовало о трёх десятках разбойных нападений и двух убийствах, не считая сравнительно лёгких обвинений в хулиганстве, грабеже, незаконном хранении оружия и подделке документов. Логическим итогом было обвинение в "бандитизме", т.е. в создании вооружённой организованной группы для совершения тяжких и особо тяжких преступлений - тех же разбоев и убийств.

Медведь был потрясающе интересным человеком, фактурной личностью вызывающей большое количество неожиданных ассоциаций. Я представлял его в роли уже заматеревшего и откормленного румяного советского солдата победоносно прошедшего всю Европу и в мае 45-го въехавшего на броне танка в поверженный Берлин, и в образе добротного хозяина-кулака во времена революционной смуты вышедшего на большую дорогу с любовно начищенным

обрезом. Он мог бы быть викингом-берсерком на борту грозного драккара бесстрашно плывущим по чёрным волнам штормового моря, мог быть и римским легионером под знаком расправившего крылья орла несущим имперский порядок и власть божественного цезаря в дикие населённые враждебными варварами земли. Обладая внешностью булгаковского кентуриона Крысобоя, Медведь излучал просто неиссякаемую пассионарность: кипучая энергия, сумасшедшая тяга к жизни и борьбе была из него ключом заряжая всех вокруг жизнерадостным и неукротимым оптимизмом.

Являясь зримым воплощением идеалов настойчивости и упорства, Медведь одновременно обладал душой ребёнка жадно увлечённого познанием окружающего мира и легко поддавал под влияние сокамерников способных предложить какое-нибудь новое ещё не испытанное развлечение. Однажды я рассказал ему о популярной молодёжной игре сокс, и старый бандит мгновенно загорелся идеей попробовать. Мы набили носок рисовой или гречневой крупой, сшили мячик и на следующей прогулке уже играли. Надо было видеть, как одетый в белые шорты и тенниску сорокалетний главарь структурного подразделения тамбовской ОПГ азартно играет на асфальте тюремного двора в сокс с лидером движения скинхэдов!

На чужих Медведь смотрел как Вышинский на Зиновьева с Бухариным, так что становилось не по себе; однако на самом деле в его груди билось доброе сердце: он был не чужд милосердию и сентиментальностям, возможно и в большей мере по сравнению с большинством. Со временем у нас установились доверительно-близкие отношения, хотя разница в возрасте, образе жизни и характере легла между нами словно бездонная пропасть. Он стал мне как отец, от него я почерпнул многое давнее выжить.

Глядя на Медведа, я задумывался о том, что могло заставить взрослого мужика служившего на флоте и имевшего двоих детей, а что он был примерным семьянином у меня сомнений не было, внезапно перечеркнуть прошлую мирную жизнь и встать на криминальный путь диаметрально противоположный всему, чем он занимался раньше. Ведь, несмотря на увлекающуюся натуру и склонность к авантюрам, он был когда-то хорошо интегрированным в общество гражданином, состоял кандидатом в члены коммунистической партии. Агрессивная прямолинейность характера не помешала бы Медведю приносить большую пользу государству вместо того, чтобы грабить и убивать невинных людей, усугубляя тем самым затяжной социально-экономический кризис. Да, именно такие как он с ожесточёнными боями брали Берлин, колонизировали Сибирь и покоряли Кавказ. Почему же он стал преступником, был ли это свободный выбор его воли? Слушая Медведа и вспоминая всё, что я знал о распаде СССР, я начал смотреть на него как на живое напоминание о похороненных надеждах миллионов советских людей нежданно попавших под жернова исторического перелома. Запрограммированные на жизнь в больше не существующей социально-культурной парадигме, они как могли, приспособивались к новой реальности, ступая порой на скользкие, ведущие в заведомый тупик дороги. В таком свете Медведь виделся такой же жертвой независимых от нас обстоятельств, как и потерпевший его уголовных дел: он ждал приговора, заранее зная, что никогда уже не выйдет на свободу.

Второй мой сокамерник Пётр оказался в тюрьме по обвинению в "растрате". Блестящий выпускник военной кафедры юридического факультета Санкт-

Петербургского Государственного Университета готовился стать военным прокурором или кем-то в этом роде, но стал конкурсным управляющим одного обанкротившегося предприятия. По мнению обвинения, он проводил крупные денежные переводы из находящихся под его ответственностью средств на собственный банковский счёт. Когда украденная сумма превысила полтора миллиона рублей, его прямо в банке арестовали, надели наручники и посадили в Кресты. Младше меня на год Петя был молодым рафинированным либералом, возил с собой книжечку отца Александра Меня и в жизни придерживался толстовского принципа непротивления злу насилием. Высокого роста и не узкий в плечах, весом под 100 килограмм, он отращивал бороду, частенько молился, делая по-иезуитски смиренное лицо и был похож на священника-расстригу с наивно-прозрачными глазами профессионального мошенника. Происходил он из исключительно приличной семьи, не был обделён любящей родительской опекой, читал умные книжки, блистал в университетском научном обществе и его свободная жизнь просто не могла иметь никаких параллелей с жизнью тюремной. По-видимому, арест и заключение под стражу стали для него действительно шокирующими событиями и отправной точкой для радикального изменения характера.

Понемногу притершись, друг к другу мы образовали довольно дружную семью. Смотрели телевизор, особенно фильмы о животных, играли в шахматы, наводили в камере чистоту и порядок. Медведь оказался дотошным аккуратистом и чистюлей: в отличие от тюремных чертей ("черти" - не соблюдающие правил гигиены и не следящие за внешним видом арестанты), он поддерживал в камере идеальный порядок и законно требовал того же от других. Он не брезговал собственноручно мыть пол и до белизны начищать стоящий в углу за полиэтиленовой шторкой унитаз, тщательно вытирал оседающую на стенах пыль, каждую принадлежность бытового инвентаря держал строго на отведённом ей месте. В этом отношении он показал мне хороший пример того, как сохранить в тюрьме активную жизненную позицию, в противовес тем, кто под грузом лени и бесплодных переживаний опустился, потеряв человеческий облик и элементарное самоуважение.

Вкус тюремной баланды был мне по-прежнему неизвестен: всем обитателям камеры 791 оказывалась значительная материальная помощь со свободы; наши суммарные ежемесячные расходы превышали пятьдесят тысяч рублей. По мобильному телефону мы дни напролёт общались с родными и близкими, узнавали свежие новости, получали поднимающую настроение моральную поддержку. Раз в неделю приносили передачу - большой мешок наполненный вещами и съестным. Кроме того, изрядное количество продовольственных припасов заказывалось в магазине учреждения - по утрам заказанное приносили закреплённые за магазином рабочие зэки. Другие рабочие - называемые "диетчиками", ежедневно стучались в кормушку и предлагали нелегально приобрести украденные в столовой продукты - сырую картошку, сахарный песок, сухое молоко, тушёнку, куриное филе, яичный порошок и др. Поскольку с деньгами проблем не было мы охотно покупали запрещённые к получению в передачах овощи, прежде всего картофель. Часто в Медведе просыпался кулинарный талант и, облачившись в украшенный ажурными цветочками нарядный поварской фартук, он колдовал над пищеблоком (место, где производится приготовление пищи) создавая сравнимые с произведениями искусства гастрономические шедевры.

Благодаря Медведеву за четыре года досконально изучившему теневые стороны тюремной жизни я смог воочию увидеть размах царившей в Крестах коррупции. Здесь продавалось все, и состоятельный арестант мог качественно улучшить условия своего существования. Напишу только о некоторых оказываемых коррупционными сотрудниками тюрьмы услугах (полный перечень был бы бесконечен):

1. Основная коррупционная услуга состояла в возможности "купить" себе камеру. Надо сказать, что многие крестовские камеры представляют собой мало пригодные для проживания тёмные сырые помещения с разбитыми окнами, сломанными санузлами и мириадами забившихся во все щели клопов. Неплатёжеспособный арестант гарантированно попадет в такую хату, иронично называемую "бомж-отелем". А чтобы сидеть в комфортабельной камере с уверенностью, что тебя внезапно никуда не переведут, арестанты платили в 2004 году по 100-200 американских долларов в месяц. В услугу входила также возможность "сливать", т.е. устроить через опера мгновенный перевод любого нежелательного "пассажира", а за дополнительную плату можно было затянуть к себе в камеру любого нужного человека.

2. Самые ценные для заключённого вещи это "запреты" - предметы, запрещённые к получению и хранению соответствующими инструкциями Минюста. К числу запретов относятся мобильные телефоны, деньги, алкогольные напитки, наркотики, порнографические материалы и т.д. Данные предметы запрещены и потому сотрудники администрации во время обысков постоянно ищут запреты с целью изъятия. Однако и попадают запреты в тюрьму, в основном, через тех же сотрудников проносящих их за определённую плату. В 2004 году принести, например, телефон стоило 1000 рублей, зарядное устройство для телефона или аудио-плэйер - 500 рублей, в такую же сумму оценивалась пол-литровая бутылка водки или разбавленного спирта.

3. С точки зрения администрации даже перочинный ножик является запретом, не говоря уже о мобильном телефоне или спиртных напитках. Вместе с тем почти в каждой хате есть хоть какие-то запреты и для арестантов остро стоит вопрос не только затянуть запрещённый предмет, но и сохранить его в продолжение максимально длительного времени. Для изъятия запретов из сотрудников сформированы группы так называемых "шмонщиков" регулярно заходящие в камеры и переворачивающие вверх дном. Только если в одних хатах они отшманивают даже неустановленного образца постельное бельё, то в других получив фиксированную плату, не замечают и открыто лежащего на столе телефона.

4. Согласно закону не меньше одного раза в неделю заключённым должна быть обеспечена помывка в горячей душе. Двери открываются и специальный сотрудник называемый "банщиком" ведёт зэков вниз по лестнице в подвал, где расположен напоминающий преддверие ада тюремный душ. В подвале ощутимо жарко, темно и повсюду клубятся облака белого пара. Помывка происходит в пяти больших (10м²) камерах, куда заводят на пятнадцать минут по шесть человек. Стены в камерах чернее ночи и покрыты зеленоватой слизью, по счастью, едва различимой в неясном свете как всегда единственной лампочки. Под потолком висят шесть тонких ржавых труб, из двух, в лучшем случае из трёх льётся вода. Посередине душевой камеры зияет ничем не прикрытая внушительная дыра, ведущая, наверное, напрямиком в канализационный коллектор. Если зэк случайно

роняет какую-нибудь свою вещь, например, мыло или шампунь, он может навсегда с ней попрощаться - мутные потоки унесут её в тёмную глубину. Так происходит процесс помывки в кабинках 2, 3, 4 и 5. В кабинке под номером один совсем другое дело. Там очень чисто, ослепительно светло и все душевые работают исправно. И моются там не пятнадцать минут, а целый час, заплатив всего 100 рублей (по расценкам того времени).

5. Заключение имеют право на ежедневную прогулку продолжительностью один час. Ещё один специальный сотрудник - "прогульщик", открывает камеру, выводит арестантов на улицу и запирает в одном из двух десятков тюремных дворики площадью примерно по 18 квадратных метров каждый. Есть и два платных дворика размером, раз эдак в пять больше. Заплатил сто рублей и гуляешь в большой дворике. Дал ещё сотню и гуляешь уже не час, а два. (Эта услуга особенно важна, потому что от долгого нахождения в камере зэки всегда чувствуют острый недостаток свежего воздуха и свободного пространства).

В Крестах, конечно, было ещё немало способов потратить деньги: можно было сходить в другую камеру в "гости", "открыться", т.е. свободно пойти гулять внутри тюрьмы, получить "зелёную" (по аналогии с разрешающим движением сигналом светофора) передачу с запрещёнными вещами и продуктами питания и др. Спектр коммерческих услуг пенитенциарной системы я постепенно ещё обрисую. Хочу только добавить несколько слов о моём личном отношении к явлению коррупции. Находясь на свободе, я всегда выступал против коррупции, считая её признаком нарастающей слабости государства. Я и сейчас готов подписаться под этими словами, однако время внесло в мою позицию свои коррективы. Да, коррупция, безусловно, вредна, так как она развращает государственных служащих и делает их преступниками не многим отличающимися от массы тех, кого они должны охранять. С другой стороны, внедрение капиталистических отношений в жизнь заключённых возвышает одних и бесконечно принижает других в соответствии только с критерием платежеспособности, тогда как моральные качества человека, да и сама суть совершенного им преступления в этой системе координат значения не имеют. Таким образом, обеспеченный негодяй может оказаться в намного более выгодном положении по сравнению с хорошим, но бедным арестантом. Тем самым в очередной раз нарушается фундаментальный принцип правосудия - равенство всех перед законом: испытанные в неволе страдания одних в чисто материальном аспекте несопоставимы со страданиями других. И всё-таки нельзя забывать, что зло цивилизованного мира в России иногда оборачивается добром. Государство здесь создало настолько тяжёлые условия содержания заключённых, что о справедливости и целях исправления говорить не приходится. Погружая человека в наполненное беспросветными днями удушающее концентрационное пространство, пенитенциарная система психологически и физически калечит его, выпивает душу, забирает здоровье. Маленькие радости, предоставляемые коррупцией, служат арестанту глотком свежего воздуха в спёртой атмосфере тюрьмы, становятся возвращающим к жизни лекарством. По-человечески это не сложно понять.

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА

В начале весны Тихомиров завершил предварительное расследование и собранные за год следствия материалы уголовного дела были переданы в суд. Они составили пять томов по триста страниц текста плюс вещественные доказательства, запечатанные в несколько больших картонных коробок. Почти каждый день меня выводили в следственные кабинеты для ознакомления с делом. Из чёрного элегантного кейса Тихомиров доставал толстые белые папки, передавал мне и сидя напротив рядом с вмонтированной в стену копкой "вызова сотрудника", внимательно следил, чтобы я не повредил или не уничтожил ни одного листа. Не так давно в Крестах произошёл скандальный случай: один бандит во время изучения своего многотомного дела ухитрился стащить из-под носа у следователя два тома и постранично спустил их в унитаз. Для спасения хоть некоторых украденных страниц сотрудники разобрали тогда весь стояк следственного туалета, а теперь каждый следователь изображал бдительность, опасаясь повторения инцидента.

Полуторатысячестраничное дело я читал с интересом. Здесь были собраны результаты годового труда следователей из следственного отдела УВД метрополитена, главного следственного управления ГУВД и управления по расследованию особо важных дел горпрокуратуры. Огромная кипа бумаг: написанные полуграмотным языком милицейские протоколы с места преступления, неразборчивые записи медицинского освидетельствования потерпевшего, исполненные на безупречном официально-деловом новоязе бесстрастные прокурорские постановления о возбуждении уголовного дела и передаче его в ведомство новых следственных инстанций, протоколы допросов многочисленных свидетелей обвинения, утверждённые факсимиле федерального судьи постановления о проведении обысков, - всего двенадцать, и страницы с длинными списками конфискованных предметов, протоколы допросов семи обвиняемых, их в большинстве положительные характеристики и справки с места работы, учёбы и жительства, протоколы допроса родителей некоторых обвиняемых, пространный текст судебной социогуманитарной экспертизы печатных изданий, оперативные справки 18 отдела УБОП и даже один документ оперативного характера полученный из Москвы от первого замминистра МВД. Над всем этим стоило хорошенько поразмыслить.

В начале первого дневного часа 29 марта 2003 года милиционер, дежуривший в пикете на станции метро "Пушкинская" получил сигнал от находящейся на платформе работницы метрополитена, что там происходит массовая драка. Через пару минут спустившись вниз, он уже никого и ничего не обнаружил. Хулиганов и след простыл. Об этом милиционер честно и безграмотно написал в протоколе.

Спустя несколько дней в УВД метрополитена (где когда-то служил и Георгий Бойко) обратился гражданин Армении Арам Гаспарян. Он утверждал, что 29 марта был избит на платформе станции "Пушкинская" группой незнакомых молодых людей с футбольной атрибутикой, лиц которых он не запомнил. Объяснить причину нападения Гаспарян не мог. Также он предоставил медицинскую справку, свидетельствующую о причинении ему ссадин и физической боли не повлёкших кратковременного расстройства здоровья. Следственный отдел УВД возбудил уголовное дело по статье "хулиганство" (ст. 213 УК РФ).

Примерно через месяц оперативники 18 отдела УБОП (Бойко&co) задержали и доставили на допрос двух молодых людей 16 и 17 лет, по имени Коля и Глеб. Они рассказали как в день происшествия они вместе со своими друзьями - футбольными болельщиками спустились по эскалатору станции "Пушкинская", а потом сели в поезд и направились на станцию "Спортивная" и далее на проходивший в тот день на стадионе "Петровский" матч Зенит-ЦСКА. Коля и Глеб заявили, что никакого отношения к движению скинхэдов не имеют и об избиении армянина им ничего не известно.

Но ещё через неделю был задержан некто Алексей Мадюдин, 20 лет, в прошлом дважды судимый за грабёж и хранение наркотиков. Он то и пролил следственным органам свет на события 29 марта. Из данных Мадюдиным показаний следовало, что он является участником скиновской группировки "Шульц88" совершающей серийные нападения на людей с неславянской внешностью, бомжей, наркоманов и представителей определённых молодёжных субкультур. 29 марта в 12.00 у здания Театра Юного Зрителя на Пионерской площади лидер Ш.88 назначил сбор участников организации для последующего совершения силовых акций. На сбор явились около десяти шульцов и ещё порядка трёх десятков околофутбольных хулиганов из группировки "Нордфирм". Обратившись ко всем собравшимся, Шульц сказал, что сегодня они будут совершать нападения по национальному признаку. Когда моб спустился на платформу метро "Пушкинская" Шульц увидел стоящего у колонны кавказца и отдал команду напасть на него, после чего кавказец был избит участниками группировок. Мадюдин признал, что первым ударил Гаспаряна, а про меня сказал, что в избиении я лично не участвовал.

Коля и Глеб были повторно допрошены, однако ничего нового не добавили и только после очной ставки с Мадюдиным изменили показания, подтвердив сообщённую им информацию.

Мадюдин был отпущен под подписку о невыезде, но через пять дней поступило заявление Коли и Глеба об оказываемом на них Мадюдиным давлении и его заключили под стражу. Это произошло 30 мая.

Далее делом занимался следователь главного следственного управления Олег Борисович Сахаров. Он инициировал проведение обысков у двенадцати петербуржцев причастных по оперативной информации к деятельности "Шульц88" и провёл их допросы. 9 августа был допрошен и я. Изучив материалы дела, Сахаров пришёл к выводу о ненаказуемости моих действий при нападении на Гаспаряна. Он исходил из того, что так называемая "команда к нападению" отданная 29 марта была необязательна для исполнения собравшимися, потому что в случае неисполнения команды никаких неблагоприятных последствий для них бы не наступило, а значит, избиение Гаспаряна было их собственным решением. Учитывая, что я потерпевшего не бил, Сахаров отпустил меня под подписку.

В сентябре уголовное дело передали высшему следственному органу Петербурга - городской прокуратуре. Им занялся старший следователь управления по особо важным делам Тихомиров, который усмотрел в произошедшем не просто совершённое группой лиц хулиганство, а преступление, направленное против государственной власти и основ конституционного строя. В распоряжении Тихомирова оказалась обзорная справка 18 отдела, где напротив моей фамилии

было указано, будто являясь лидером неформального молодёжного объединения экстремистской направленности, я причастен к ряду преступлений по мотивам национальной вражды совершённых в течение последних трёх лет на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, причастен к организации массовых беспорядков на Триумфальной площади в Москве, а также к изданию литературы праворадикального содержания. В ходе проведённых в августе обысков было изъято большое количество печатных изданий с логотипом Ш.88, и следователь вынес постановление о проведении социально-психологической экспертизы данных материалов. Перед экспертом был поставлен вопрос: содержат ли издания Ш.88 информацию побуждающую к насильственным действиям по национальному признаку? Получив утвердительный ответ, Тихомиров возбудил уголовное дело по статьям "публичные призывы к экстремистской деятельности с использованием сми (ст. 280 ч. 2 УК РФ) и "распространение национальной ненависти и вражды с использованием сми" (ст.282 ч.2 УК РФ).

Следующим этапом стало проведение допросов лиц, по оперативной информации 18 отдела, в прошлом или настоящем состоявших в Ш.88, либо обладающих какой-то информацией о группировке. Таковых набралось более двадцати человек. Доставленные в прокуратуру свидетели в целом подтвердили версию обвинения: Шульц был лидером группировки, занимался изданием пропагандистской продукции и неоднократно призывал к расправам над неславянами африканского, азиатского и кавказского происхождения. Правда, когда допрос касался конкретных преступлений совершённых Ш.88 (помимо избиения Гаспаряна), у всех без исключения свидетелей внезапно пропадала память и вспомнить какие-либо подробности они не могли. Тем не менее, Тихомиров начал делопроизводство ещё по двум статьям уголовного кодекса: "создание экстремистского сообщества" (ст.282 прим.1, ч.1 УК РФ) и "публичные призывы к экстремистской деятельности" (ст.280 ч.1 УК РФ). А так как среди выявленных шульцов было четверо несовершеннолетних, он возбудил уголовное дело ещё и по статье "вовлечение несовершеннолетних в преступную группу" (ст. 150 ч.4 УК РФ).

Вслед за Мадюдиным участие в избиении Гаспаряна признали обвиняемые Алексей Буторин, Максим Ражев и Дмитрий Баталов и хотя Алексей Вострокнутов, Михаил Втюрин и Дмитрий Бобров вины не признали, Тихомиров посчитал, что при наличии двух свидетелей произошедшего - Коли и Глеба, обвинение полностью доказано.

Прочитав материалы дела, я заметил несколько подозрительных моментов. Больше всего настораживало странное поведение потерпевшего. С места нападения он уехал, не дожидаясь появления милиции, и вроде и не собирался обращаться в правоохранительные органы. Его можно было понять: серьёзных травм у него не было, нападавших он не запомнил и, являясь "лицом кавказской национальности" с армянским гражданством мог просто не иметь желания общаться с милиционерами. И всё же с опозданием на три-четыре дня Гаспарян приехал в милицию, чтобы дать показания ни на шаг не продвинувшие следствие на пути к изобличению преступников. Больше Гаспарян нигде не появился, но его заявление стало причиной возбуждения уголовного дела.

Я понимал, что бумажотворческий труд следователей это только видимая вершина айсберга имеющего в основании оперативную работу Бойко&со. Впитавшаяся в кровь беспринципность оперов позволяла им всячески исказить

реальные факты, фальсифицируя действительность для достижения казавшихся справедливыми целей. Я предположил следующее: узнав от близких к Ш.88 информаторов об избиении кавказца на "Пушкинской" Бойко задействовал связи в национальных диаспорах Санкт-Петербурга (такие контакты были ему необходимы для преодоления пассивности ставших жертвами скинхэдов иммигрантов часто не обращавшихся в милицию) и нашёл Гаспаряна согласившегося поехать в УВД и написать заявление о нападении на него неизвестных молодых людей. Так были созданы искусственные предпосылки для возбуждения уголовного дела, в рамках которого, Бойко применяя психологическое давление, вынудил Мадюдина ещё не отгулявшего условный срок по прошлой судимости к признательным показаниям, а после, используя Мадюдина, добился признаний от других участников и "свидетелей" нападения. Гаспарян - подставной потерпевший! Эта версия подтверждалась неустранимыми противоречиями между результатами медицинского освидетельствования Гаспаряна и показаниями обвиняемых. Из выданной травмпунктом справки следовало, что Гаспаряну причинены всего лишь незначительные ушибы и ссадины, тогда как по показаниям обвиняемых и свидетелей потерпевшего избивали в течение пяти минут, вдесятером, нанеся ему не менее сорока ударов, в том числе прыгали у него на голове ногами, обутыми в армейские ботинки. Не мог быть Гаспарян тем, кого атаковали на "Пушкинской" ещё и потому, что он "увидел" там "молодых людей с футбольной атрибутикой", а на самом деле, конечно же, никто из шульцов или молодых хулиганов никакой атрибутики не носили.

Другой настораживающий момент - квалификация совершённого на "Пушкинской" преступления. Весной 2003 года дело возбудили по статье "хулиганство совершённое группой лиц" (ст. 213 ч.2 УК РФ), но в декабре того же года Госдума приняла поправки к УК и теперь в состав преступления включили действия с применением оружия либо предметов заменяющих его. Раз при нападении оружия не применялось, значит и хулиганства в юридическом понимании совершено не было, и Тихомиров переквалифицировал обвинение на статью 282 ч.2 УК РФ - "унижение национального достоинства совершённое публично, организованной группой, с применением насилия". Я сразу понял, что это самое слабое место обвинения. Одно дело простое избиение человека и совсем другое - унижение его национального достоинства; здесь для образования состава преступления недостаточно только нанесения ударов, а необходимо совершение призывов или действий унижающих его нацию, касающихся его национального происхождения, оскорбляющих его достоинство как представителя определённой нации. А кавказца на "Пушкинской" просто избивали - без призывов, без лозунгов, молча, без слов.

Базовый массив собранных доказательств обвинения покоился на показаниях свидетелей. Внешне здесь всё было чётко и логично, даже слишком чётко и логично. Внимание привлекли протоколы допросов проведённых Тихомировым - монолитные, грамотно скомпонованные тексты с подписями соответствующих свидетелей. Если Сахаров задавал вопросы и дословно записывал полученные ответы, то Тихомиров сам составлял от лица свидетеля единый текст, протокол подписывался и подшивался в дело. Оставшиеся верными товарищи рассказали мне о предложенном каждому двухвариантном выборе: или подписать нужные стороне обвинения показания, или самому стать обвиняемым и отправится в тюрьму. Мой старый приятель Вострокнутов отсидел за решёткой девять месяцев только за то, что не стал оговаривать меня, подписывая сочинённый

Тихомировым протокол, а занявший такую же позицию Миша Втюрин чудом избежал ареста (впоследствии с парней сняли обвинения и полностью оправдали). Запуганные подростки (в основном, подростки) послушно подписывали бумаги, едва ли отдавая отчёт, в чём они свидетельствуют. Поэтому я рассчитывал, что на судебном заседании свидетели неизбежно запутаются в своих-несвоих показаниях, демонстрируя противоречия между реально известной им информацией и информацией содержащейся в составленных Тихомировым протоколах.

Некоторые показания показались забавными. Например, один свидетель сообщил, что наше знакомство состоялось в буддийском храме Калачакры (самый большой европейский буддийский дацан, Санкт-Петербург), где я жил в 2001-02 годах, вероятно совмещая руководство экстремистским сообществом с духовной практикой, устремлённой к достижению нирваны по методу религиозного течения дхог-чен. Другой рассказывал о нашей встрече в книжном магазине на Невском проспекте и случайном знакомстве за обсуждением книги Артура Шопенгауэра "Мир как воля и представление". Третий неуёмно восхищался моей эрудицией и глубокими, по его мнению, познаниями в истории, философии, литературе и т.д. и было непонятно, зачем вообще он это рассказал и какое отношение имеют его показания к уголовному делу.

Недоумение вызвал текст социогуманитарной экспертизы печатных изданий "Шульц88". Слишком познавательный и предельно отвлечённый от подлежащих доказыванию в суде обстоятельств текст. Последняя работа Николая Михайловича Гиренко - достаточно известного в определённых кругах деятеля, гармонично смотрелась бы на страницах какого-нибудь культурно-исторического журнала академии наук; для использования в уголовном судопроизводстве работа Гиренко выглядела непригодной. Учёный не поленился разъяснить "истинное" значение скандинавских рун, обрисовал основные аспекты учения Елены Петровны Блаватской, высказал свои предположения о местонахождении таинственной Шамбалы, и я с трудом представлял, как текст экспертизы будет зачитан в российском суде, и какую реакцию вызовет.

Присутствие духа не оставило меня и пусть обвинительный приговор был неизбежен, я не собирался отказываться от сопротивления. Мне предстояло выстроить наиболее эффективную линию защиты и убедительно провести её назло ожидающим, что я сломаюсь, врагам. "Мы ещё поборемся, господа судьи! Мы ещё повоюем!" - мысленно повторял я вновь и вновь.

НАЧАЛО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Первое судебное заседание было назначено на завтра. Поздно вечером корпусной ударил связкой ключей по двери и громко произнеся мою фамилию, приказал быть готовым к пяти часам утра. Беспокойное ожидание возможности отмены и переноса даты суда развеялось прахом. После полугода нахождения в вакууме неопределённости, когда ничего нельзя было предпринять в свою защиту и оставалось только ждать, я вдруг будто проснулся от долгого зимнего сна и интеллект - успевшая изрядно заржаветь машина - заработал быстрее; вместе с ним зашевелились эмоции и память. Впервые судимый я впал в странное, экзистенциальное состояние: назначение первого заседания вызвало

многоцветный фейерверк мгновенно рождающихся и умирающих в стремительном потоке сознания мыслей. Заменявшей настоящую жизнь повседневной тюремной рутине пришёл конец - намечалось большое СОБЫТИЕ! Завтра мне предстояло увидеть забывающиеся лица друзей и лица новых ещё невиданных врагов - судей и прокуроров, предстояло оказаться в положении сидящего посреди свободных людей в клетке подсудимого; быть выставленным на обозрение толпе и журналистам, тогда как моё прошлое будет публично препарировано одетыми в синие прокурорские мундиры советниками юстиции. Очень хотелось верить, что суд это не просто отправление необходимого социального ритуала, а как сформулировано в законах, процесс установления истины, и воображение рисовало призрачные весы внутри судейского мозга взвешивающие мои поступки, мотивации и намерения, и медленно созревающий, наливающийся силой приговор - упавшая на грудь смертельно тяжёлая гранитная плита. Я знал, что ввиду большого объёма дела процесс продлится неограниченно долго и не ждал скорого исхода, и всё-таки волновался. Оправдательное решение было в принципе невозможно, а по вменённым статьям срок лишения свободы мог составлять от пяти до двенадцати лет - огромный, подвластный воле судьи разрыв. Той ночью, как и во все последующие предсудебные ночи, я не смог заснуть, бесконечно прокручивая в голове аргументы своей защиты.

Утром помятый надзиратель со злым невыспавшимся лицом открыл дверь и я уже полностью одетый и внутренне подготовленный к судебному спектаклю вышел из камеры. Мы дошли до стакана у корпусной, где сидели на лавках человек восемь затребованных судами заключённых. По вьющейся спиралью лестнице спустились на круг и, повторяя путь, пройденный в день приезда, подвальными закоулками добрались до широкого подземного коридора с закруглёнными сводами. Сотрудники тюремной комендатуры стоящие за обрешётчатой трибуной всё также шелестели листами документов. Передача заключённых конвоем должна была произойти много позже, а пока нас заперли в камере-"собачнике".

Собачник - маленькая нежилая камера для содержания арестантов перед отправкой в суд. Какходишь, видишь протянувшуюся вдоль трёх стен прямоугольной буквой "п" узкую бетонную лавку. Чёрный туалет в углу сломан и издаёт шипяще-гудящие звуки, напоминающие о нечеловеческом пении тибетских лам. Под такую "музыку" можно медитировать и впадать в транс, да только релаксация не наступает: каменный подвальный холод пронизывает до костей, прокуренный воздух буквально электролизован током напряжённых переживаний. Не понимаю, зачем перед судом сюда сажают эков? в пять, а иногда и в четыре часа утра собачники заполнены людьми, тогда как автозаки забирают первых пассажиров только в десять. В тесных подземных гробницах заключённые стоят и сидят без движения по пять-шесть часов, заражаясь подавленным настроением и пессимистической направленностью мыслей. Аскетичное, даже по сравнению со спартанской обстановкой стандартной тюремной камеры, сырое и тёмное помещение собачника несёт функцию предсудебного чистилища, где в многочасовом ожидании конвоя люди остаются наедине с одними мыслями и каждая мысль о ждущем их приговоре.

Присев на самый край железобетонного сиденья (заляпанные цементной шубой стены вдобавок побелены и нельзя прислониться, не испачкав одежду), я первым делом попробовал вздремнуть. Бессонная ночь давала о себе знать, глаза произвольно закрывались. Закрыв ладонями лицо, я уткнулся головой в

сомкнутые колени и замер. Кажется, получилось! В собачнике повисла тишина, слегка разбавленная журчание туалета. Десяток таких же полусонных соседей-заклочённых молча сидели, ничем не выдавая своего присутствия. Время стало вязким, тягучим как мёд... Здесь «вечность пахла нефтью»... С мыслями о вечности я заснул, и мгновение спустя проснулся от холода. Уже две недели как в Петербург пришла календарная весна, снег на улице давно растаял, и температура воздуха показывает стабильный плюс, но в бетонном склепе крестовского собачника более чем прохладно. Ледяные щупальца могильного холода проникли под одежду и меня пробрала дрожь; спать перехотелось. Тогда я достал прихваченную с собой брошюрку Григория Явлинского "Что случилось с Россией? Она утонула во лжи и предательстве" и стал читать. Лидера демократов оказался в теме и после слов о готовом плацдарме для установления профашистской диктатуры в РФ, я тоскливым взглядом окинул собачник, мысленно с ним соглашаясь. - Перед глазами неровная чешуя динозавра - покрытая серыми хлопьями пыли белая стена в шубе, в тугом воздухе повисли синие перья табачного дыма, развешанные по углам кружева паутины чуть колышутся от лёгкого сквозняка. - В самом деле, государство, устроившее для людей собачники вполне можно назвать протофашистским в хрестоматийном понимании этого слова. Конечно, тут нет расовой дискриминации и тому подобного, зато попрание человеческих прав возведено в ранг государственной политики, так что осознаёшь себя не гражданином европейской державы, а бесправным подданным какой-то восточной деспотии. Однако чтение пришлось отложить: освещение неподходящее, да и голова забита совсем другим. Почему-то вспомнился следователь Тихомиров объясняющий, что не смотрит теленовостей, потому что теперь "всё как при Брежнев". Сидя в подвале Крестов потерять временные ориентиры оказалось намного легче, чем перед телевизионным экраном. В этом месте присутствие современной цивилизации никак не угадывалось: электрический свет не отличался от мерцания газового рожка или масляного светильника; подвал мог быть узилищем царского рavelина и подземельем средневекового замка. Пробивающийся сквозь запыленный плафон тускло-жёлтый электрический луч фрагментарно лёг на серое лицо сидящего напротив арестанта - ископаемой мумии древних времён... Я мёрз; казалось, ноющий холод поселился внутри тела; я чувствовал боль. Колени сводило от невозможности поменять позу; всё что оставалось - без числа сгибать и выпрямлять озябшие ноги. На улице светало...

Мучения продлились пять часов. После девяти во двор начали подъезжать автозаки, и к пытке добавился новый элемент: не заглушая моторы, машины задом подгоняли вплотную к стене, где на уровне выхлопной трубы размещались окна собачников. От выхлопных газов густо перемешанных с дымом сигарет заболела голова. Когда, наконец, пришёл сотрудник и позвал меня на выход - радости не было предела. Ещё одна по-фамильно-статейная переключка и мы вышли во двор к автозаку с распахнутой боковой дверью.

Я ехал по родному городу, заново привыкая к ощущениям автомобильной поездки. Пол под ногами резво качался, иногда подбрасывало. С другой стороны решётки перекрывающей выход из узкого отсека, в маленьком тамбуре сидел у дверного окошка молодой конвоир в синей милицейской форме. Увлечённо нажимая на кнопки мобильного телефона, он перебирал заложенные в памяти полифонические мелодии, и радостно-детское выражение не слезало с его лица. Зэки негромко переговаривались, спрашивали, кто в какие суды едет, а я пытался понять маршрут движения, вглядываясь в калейдоскопически мелькавшую за

окошком местность. Видно было немного, и только неплохое знание города помогало узнавать места по отрывочным, уносящимся назад картинкам. Вот ещё не взорванный памятник Ленину у Финляндского вокзала, Нева, Литейный проспект и здание ФСБ, а вот машина выехала на Невский, и сердце окутала печальная ностальгия. На тротуаре главной питерской улицы бурлил народ, и виделась чудовищная несправедливость в том, что заточённый в железное чрево автозака я вынужден ехать на бессмысленное судилище вместо того, чтобы выйти на Невский и просто гулять, радуясь весне и Богом данной свободе.

Первый раз автобус остановился у Куйбышевского суда, в самом средоточии путей моих прошлых весёлых прогулок и хотя я не видел ничего кроме стены дома с кусочком не поместившейся целиком в окне серебристой водосточной трубы, искренне верилось, что быть может, в десятке метров сидят у фонтана мои друзья и если сейчас закричать изо всей силы, они обязательно услышат, и вспомнят мой голос, и подойдут ко мне.

Следующая остановка была моей. Ленинский федеральный суд Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Увидеть здание снаружи не удалось - автозак заехал во двор не отличимый от любого двора в старом жилом фонде. Разве что стены отштукатурены и положен новый асфальт. По команде конвойного я выпрыгнул из автозака, за мной последовали ещё двое арестантов, нас соединили наручниками в живую цепочку, - правая рука одного пристёгнута к правой другого (чтобы было неудобно бежать), - и повели в конвойное помещение.

В каждом российском суде есть конвойное помещение, располагаемое обычно в подвале или на первом этаже. Сюда привозят арестантов для участия в судебном процессе, отсюда их увозят обратно в СИЗО и КПЗ, здесь они находятся во время кратких перерывов заседания. Конвойка в Ленинском состояла из небольшого коридорчика, комнаты отдыха конвоиров оснащённой диваном, телевизором и стационарным телефоном, трёх камер с деревянными скамейками и туалета. После обыска меня заперли в камере, и до начала судебного заседания я мог отдохнуть. Оставалось полчаса.

Судебное заседание назначили на 12.00. Ещё ничего не произошло, а я уже чувствовал себя крайне уставшим, был вымотан семичасовой поездкой. Нервные переживания и бессонница, психологический дискомфорт, холод и травля выхлопными газами в собачнике, а потом тошнотворная часовая гонка в душной тесноте автозака почти исчерпали ресурс сопротивляемости организма. Думалось, здесь не обошлось без дьявольского логически выверенного умысла: условия доставки в суд были организованы таким образом, чтобы к началу процесса выжатый как лимон подсудимый был неспособен к энергичной защите и адекватному пониманию происходящего.

Без пяти минут двенадцать камеру открыли, и я вышел в коридор. Спереди на руках защёлкнулись наручники, двое конвойных взяли меня с обеих сторон под руки и в сопровождении ещё четверых судебных приставов мы вышли на лестницу. Полтора десятка ступеней вверх, поворот направо и я оказался в просторном холле зала судебных заседаний №1.

Здесь было многолюдно. Повсюду десятки людей - журналисты, свидетели, подсудимые, родные и адвокаты, случайные зрители, агенты в штатском. Моё появление вызвало всеобщее оживление: шум голосов резко усилился и, попав

под прицел оцепляющих меня кольцом корреспондентов, я на секунду ослеп от фотовспышек. Входя в зал, я краем глаза заметил ведущих съёмку из холла телеоператоров.

Зал судебных заседаний оказался большим - площадью более ста квадратных метров. Я находился в стальной клетке, справа от меня возвышалась массивная судейская кафедра, сейчас пустая. Над кафедрой висел двуглавый орёл - герб Российской Федерации. Прямо посередине зала стоял длинный стол для представителей защиты и обвинения - адвокатов и прокуроров. За ним у противоположной стены - столик ведущего протокол секретаря процесса. Слева протянулись ряды стульев предназначенных для зрителей, первый ряд занимали подсудимые, находящиеся под подпиской о невыезде. Яркий солнечный свет вливался в огромные окна, подчёркивая чистоту и белизну интерьера. На подоконниках стояли горшки с комнатными цветами. Высокие белые потолки, свежий воздух, нарядно одетые люди - здесь всё резко контрастировало с обстановкой тех мест откуда я прибыл. После полугодового прозябания зал суда представлялся роскошным. Это не могло не добавить скованности: так, как я, наверное, ощущали себя простые русские крестьяне, с декларативно-политическими целями иногда привозимые в сверкающий золотом Зимний императорский дворец.

Устроившись на скамье подсудимых, я оглядел собравшихся. Лицом ко мне сидели прокуроры: уже знакомая сексуально-обворожительная Кузнецова, - русые волосы собраны в косу, на белых щеках румянец, правильный овал лица украшают чистоты драгоценного камня небесно-голубые глаза, - и руководитель группы обвинителей Алексей Бундин - плотный пятидесятилетний мужчина с полным красным лицом, короткой стрижкой светлых волос и блестящими очками в тёмной оправе. От него веяло угрозой, но не физического свойства, как например, от Медведя, а неумолимой силой бюрократического аппарата - силой карательной государственной машины. В горпрокуратуре он считался одним из самых жёстких и негуманных обвинителей, участвовал, как правило, в процессах особо важного значения. Параллельно с судом над Ш.88, он сейчас поддерживал обвинение на громком процессе по делу депутата петербургского законодательного собрания Юрия Титовича Шутова, и потребовал там пожизненного заключения сразу четырёх подсудимым. Я не мог не чувствовать к нему ничего кроме презрения и ненависти. За его спиной стоял призрак ГУЛАГа.

Рядом расположилась пёстрая компания адвокатов. Семеро представляли интересы подсудимых, а сидящий чуть в стороне восьмой - потерпевшего. Неудивительно, что это был, по-видимому, соплеменник Гаспаряна носивший фамилию Петросян, однако и защита наполовину поддерживалась неславянами. Особенно выделялся адвокат Адалашвили - высокий представительный грузин в чёрном костюме и при галстуке. Участие в нашумевшем процессе над "Шульц88" предоставило ему хорошую возможность давать продолжительные интервью пред объективами телекамер, и в последующем я часто видел его не только в суде, но и по телевизору. Ещё моё внимание привлекла адвокат Барамия - уже немолодая, худощавая уроженка Кавказа с застывшей на лице неприятной маской. О подобном выражении лица Харуки Мураками писал, что оно возникает у многоопытного музыкального критика слушающего фортепьянную сонату Скрябина.

- Прошу всех встать! Суд идёт! - громко провозгласила секретарь и из судебной комнаты вышла вершительница моей судьбы федеральный судья Татьяна Жданова. Это была ещё молодая, не более тридцати восьми лет женщина в своём внешнем облике не обнаруживающая ничего отталкивающего. Открытое доброе лицо, густые каштановые волосы - она была, безусловно, красива, хороша той нежной материнской красотой, которая озаряет иконописные лики Богоматери держащей на руках младенца Христа.

Поскольку среди подсудимых есть несовершеннолетние, Жданова объявила о закрытом режиме процесса. - На закрытых судах имеют право присутствовать только представители сторон, подсудимые и их близкие родственники, потерпевшие, а также работники суда - секретари и судебные приставы. - Началось изгнание любопытствующих зрителей успевших оккупировать все свободные места. Одни покинули зал добровольно, тогда как некоторые смешались с родственниками и затаились. Принудив каждого встать и объяснить свой статус, Жданова быстро выявила несколько проницательных журналистов делавших вид, что решение о закрытом режиме процесса к ним не относится. Последние нелегальные зрители - два мордатых мужика в чёрных кожаных куртках, изрядно всех удивили. На предложение представится, мордороты ответили, что они от общности.

- А из какой вы общественной организации? - спросила Жданова.

- Из той, где состоят подсудимые парни, - прозвучал неожиданный ответ.

Агенты в штатском дружно зашевелились.

Судебное заседание началось.

- Ленинским федеральным районным судом Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, под председательством судьи Ждановой, рассматривается дело по обвинению подсудимых Боброва, Мадюдина, Вострокнутова, Буторина, Баталова, Втюрина и Ражева в совершении преступлений по статьям 282 (прим.1) ч.1, 282 (прим.1 ч.2), 282 ч.1, 282 ч.2, 280 ч.1, 280 ч.2, 150 ч.4 УК РФ, - скороговоркой проговорила Жданова и менее официально добавила:

- Давайте проверим явку. Все ли у нас в сборе?

Тут встал адвокат Дмитрия Баталова с заявлением, что его клиент отсутствует, потому что призван на срочную службу в вооружённые силы, в настоящее время направлен на Северный Кавказ, что подтверждено представленными адвокатом справками. Ссылаясь на уголовно-процессуальный кодекс, разрешающий прекращение уголовного преследования в связи с изменением обстановки, адвокат подал ходатайство о снятии с Баталова обвинений.

- Ушёл в армию, находясь под подпиской о невыезде? - недовольно сказала Жданова и на секунду задумалась.

- В связи с неявкой подсудимого Баталова, принимается решение о переносе судебного заседания на 1 апреля 2004 года.

Едва начавшись, сегодняшний суд уже завершился, повторяя ситуацию характерную для всего российского судопроизводства. Конституция России, в отличие от цивилизованных стран не гарантирует быстрого правосудия обвиняемым в тяжких преступлениях, и люди юридически невиновные часто по пять и более лет пребывают в тюрьмах, ожидая приговора. Ограничений по срокам содержания под стражей для них не существует. Бесконечные переносы судебных заседаний бывают, как сегодня, вызваны относительно объективными причинами, а по большей мере происходят из-за перегруженности судов делами, безответственности судей и различных накладок, возникающих при работе неповоротливой российской судебной системы.

Обратная дорога заняла около девяти часов. До шести я глупо сидел в конвойке или пытался заснуть лёжа на жёсткой деревянной скамейке. В шесть приехал автозак, и я отправился в изнурительное трёхчасовое путешествие по судам и следственным изоляторам, причём Кресты, наверное, по "закону подлости" снова значились последним пунктом прибытия. Как назло автозак загрузили просто невообразимо большим количеством арестантов и почти все везли большие баулы. Со всех сторон сдавленного вещами и людьми, в кромешной темноте меня везли по питерским улицам на машине трясущейся так, будто она мчится по прифронтальной полосе, спасаясь от вражеского обстрела. По приезду в Кресты опять был собачник, всего лишь на сорок минут, но при этом уже не такой свободный, как утром, а набитый людьми так плотно, что мы стояли плечом к плечу, образуя единую страдающую от тесноты биомассу.

До своей камеры я добрался почти полумертвый, и вяло, отвечая на вопросы сокамерников, немедленно завалился спать. Моих сил хватило только на один короткий звонок поделеньнику Максиму Ражеву.

- Почему ты выглядел на суде таким уставшим? - спросил меня Максим.

- Не дай Бог тебе узнать это на своей шкуре, Макс! - ответил я, чувствуя, как тело становится невесомым.

КРЕСТЫ: 791 (part 2)

Утром я проснулся бодрым и отдохнувшим. Вчерашние волнения остались в прошлом, впереди - две недели спокойного существования...

Обычный тюремный день. Первые движения начинаются в пять: где-то открываются и закрываются тяжёлые двери - сотрудники выводят судебных ээка. Их ждут собачники, автозаки и тягомотина судебных заседаний, а я могу наслаждаться снами и дальше.

Примерно около шести с галереи раздаются неясные стуки, сменяемые скрипом несмазанных колёс. Это рабочие баландёры притащили пятидесятилитровые алюминиевые бидоны с завтраком и теперь на скрипучих четырёхколёсных тележках развозят его по камерам. Баландёр подгоняет тележку к двери, открывает кормушку и спрашивает: «Завтракать будете?» Если в ответ звучит «да», рабочий большим черпаком наполняет передаваемые ему через кормушку ёмкости. На завтрак обычно подают кашу: плохо проваренный неочищенный овёс

или дурно пахнущую сечку. Следом к кормушке подходит ещё один баландёр несущий деревянный лоток с белым, а точнее серым хлебом местного тюремного производства. Третий рабочий отмеряет спичечным коробком сахарный песок – по тридцать грамм в сутки на человека. Считается, что один коробок это и есть примерно тридцать грамм. После завтрака на корпусе тихо. До утренней проверки арестанты спят.

В девять на всех четырех галереях начиная с крайних камер, открываются двери – начинается совмещённая с телесным осмотром проверка. С голым торсом заключённые выходят из камер и выстраиваются шеренгой вдоль стены. Сотрудники держат в руках коробки с личными карточками и проверяют наличие спецконтингента.

Где-то после десяти на корпусе становится оживлённо: арестанты просыпаются и открывают прикрытые на время сна окошки-кормушки, то тут то там между арестантами из разных камер завязываются разговоры; на галереях появляется множество снующих туда-сюда черноробных рабочих, они подходят к камерам, что-то забирают и передают, разносят передачи, моют полы, спускаются и поднимаются по лестницам. Становится больше и сотрудников: корпусные выводят заключённых на краткосрочные свидания с родными, на встречу с адвокатом или со следователем, или быть может на беседу с оперативным сотрудником; женщины в камуфляже с папками документов в руках вручают энкам какие-то постановления, объясняют их смысл, дают расписаться и переходят к следующим камерам.

Я окончательно проснулся в начале одиннадцатого, когда тюрьма за дверью уже вовсю гудела. Немного понежился лёжа в тёплой постели и наблюдая за пылинкой скользящей по диагонально падающему солнечному лучу; уловив распространяющийся по камере вкусно-аппетитный запах, поискал взглядом его источник. Петя поджаривал на сковородке урчащие кусочки копченого мяса, перемешанные с мелко порезанной картошкой, луком и морковью. Значит точно пора вставать! Утренний туалет и вот - свежий и энергичный я с удовольствием завтракал.

Всё-таки хорошо сидеть в такой камере как наша. Просторно – из шести спальных мест занято всего три, на полу постелен новенький линолеум, стены аккуратно покрашены белой краской, пищеблок наполнен продуктами. Уютно, чистота радует глаз. Да и сокамерники приличные люди, а не какое-нибудь отребье. Есть о чём поговорить на культурном русском языке без использования мерзкой фени и тем самым слегка отвлечься, развеять давящую ауру тюрьмы, дать мозгу работу необходимую для того, чтобы он не атрофировался от бездеятельности.

Медведь сегодня судится, и мы остались с Петей вдвоём. Позавтракав, он обложился книгами по юриспруденции, всевозможными кодексами, толстыми брошюрами с аббревиатурой европейского суда по правам человека и что-то пишет, поминутно сверяясь с книгами заложенными десятками закладок. Петя – юрист, он самостоятельно занимается своей защитой, хотя у него есть и несколько платных адвокатов, среди которых знаменитый некогда Иванов – бывший следователь вместе со своим напарником Гдляном ставший известным благодаря делу о коррупции в высших эшелонах власти. И я, и Медведь часто консультируемся у Пети по вопросам уголовного судопроизводства, получая массу ценных советов.

Мои отношения с Петром развиваются неровно. Бывший конкурсный управляющий сначала смотрит на меня несколько свысока: обвиняемый в похищении миллионов высокообразованный молодой человек не считает себя ровней с полуграмотным уличным скином-хулиганом. К тому же его ярко выраженные демократические убеждения разделяют нас якобы непреодолимым барьером. Со своей стороны я иронизирую над его высшим образованием, называя обучение в отечественном ВУЗе «дрессировкой далёких от истинной интеллигентности недоспециалистов» и насмехаюсь над Путиным когда-то учившемся на Петинском факультете. Тем не менее, нам интересно общаться друг с другом. Темы наших разговоров разнообразны и коренным образом отличаются от ни к чему не обязывающего трёпа простых арестантов. Политика, история, экономика, важные общественные события входят в круг наших интересов, и я нахожу в лице Петра равнодушного слушателя способного как разделить мои воззрения, так и подвергнуть их стимулирующей мыслительную деятельность критике. Пребывая в постоянном творческом поиске, я анализирую поступающую информацию, делаю выводы, свожу возникающие идеи в системы, строю теории и возможность излагать свои мысли, выслушивать возражения и отвечать на них даёт удовлетворение потребности в нормальном общении, помогает сохранять креативность мышления. Наши разговоры становятся всё продолжительней, а их тематика – обширней. Но, несмотря на социологические, исторические, психологические и т.д. отступления всё вращается вокруг текущего социально-политического момента. Вот и сегодня уставший писать ходатайства Пётр захотел услышать моё мнение о происходящем укреплении российской экономики.

- Скажи-ка Шульц, разве нельзя поставить в заслугу Путину улучшение экономической ситуации? – вкрадчивым голосом спросил он, заранее зная, что на такой вопрос я непременно разражусь категорически-уничжительным диалогом.

- Ты меня удивляешь! Уж ты то обязан иметь хотя бы приблизительное представление о реальном состоянии экономики. Нефтяная игла – роковая зависимость страны от экспорта природных ресурсов на Запад – банальная тема для банального разговора. До тех пор пока данное положение сохраняется, говорить об укреплении экономики нет смысла. Сырьевая экономика – удел отсталых стран, она исторически обречена быть причиной экономической деградации России. Уровень жизни отдельных групп, конечно, может повышаться, а он действительно повысился и, основываясь на этой статистике, телегипнотизёры сегодня поют Путину дифирамбы. Однако пока он не направит поток нефтедолларов на создание конкурентно-способного промышленного производства, экономика будет в состоянии перманентного кризиса – в её нынешнем состоянии. И позволю напомнить тебе, что наметившееся в последнее время увеличение благосостояния граждан и доходной части бюджета непосредственно связаны с высокими ценами на нефть. А рост цен на энергоносители вовсе не зависит от политической линии Путина. И можно представить, что будет с нашей страной, если завтра цены на нефть упадут!

- Но ведь есть и другие аспекты улучшения жизни, - не сдаётся он, расширяя тему. – Путин умирил Чечню, заново построил властную вертикаль и навёл в государстве порядок, наказал тез самых олигархов, которые патриотам не давали покоя – Березовского, Ходорковского, Гусинского.

- Петя! С тем же успехом я могу перечислить длинный список никак нерешённых Путиным социально-экономических проблем: высокая безработица, тотальная коррупция, гигантский рост наркомании, высокая преступность, проблемы образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д. И «усмирённые» чечены продолжают постреливать и время от времени взрывать. И разве можно быть уверенным, что через десять или двадцать лет мы не услышим вновь по новостям об очередном кровавом террористическом акте устроенном исламским джамаатом? Властная вертикаль... Понимаешь ли ты вообще, что это такое? Я думаю, человек демократических убеждений может лишь упрекнуть Путина за его властную вертикаль. Ведь это и нарушение прав человека в той же Чечне и повсюду, и зависимые суды, и ограничение активного избирательного права, и грязные выборы, и ручная пресса. А преследования олигархов осуществлены не в интересах справедливости, а в целях консолидации правящего класса.

- Какого класса? – заинтересовался бывший конкурсный управляющий.

- Правящего.

- В каждом государстве существует правящий класс. Клан современных правителей России ведёт свою родословную от советского правящего класса партноменклатуры – привилегированной корпорации партийных боссов монополизировавших власть в СССР. Именно представители партноменклатуры развалили Советский Союз, организовав буржуазную революцию «сверху». Кстати говоря, на референдуме о судьбе Союза большая часть советских граждан проголосовала за его сохранение, да только номенклатурщики плевать хотели на волю народа. Они разрушили нашу страну, переквалифицировались в преуспевающих бизнесменов и начали продавать родину оптом и в розницу.

- Постой, - перебил меня Пётр, - а зачем им это было нужно? Кажется, партийные деятели и при советской власти жили весьма неплохо?

- На самом деле крупный номенклатурщик жил относительно небогато. Конечно, если сравнивать с простыми советскими людьми, то его уровень жизни был намного выше. А по сравнению со стандартами западного мира, номенклатурщик вёл образ жизни среднего предпринимателя – не более того. «Членовозка» с шофёром, просторный кабинет, индивидуальная комната отдыха с душем и отдельным туалетом, секретарь, тысячная зарплата, квартира улучшенной планировки в номенклатурном доме, государственная дача, специально изготовленные продукты из специального магазина... Не так уж и мало, но не так уж и много. Видимо, хотелось большего – много большего. Не тысячи деревянных, а миллионы, десятки и сотни миллионов конвертируемых долларов; не государственная дача, а мраморный дворец, как у Вандербильта; наверное, так. Я думаю, они психологически сломались в холодной войне с Западом. Тогда США экспортировали западные ценности, идеалы и образ жизни стремясь внутренне изменить советских людей. И успеха американцы добились на самом высшем уровне – произошло классическое перерождение правящей верхушки. Быть может, номенклатура быстро сдалась, в том числе и потому, что блага западного мира были ей намного доступней, чем простым гражданам.

- Какой же сейчас в России правящий класс? – спросил Петя, всё более заинтересовываясь.

- О! Что такое современный правящий класс нельзя понять не зная истории, а история не будет понятна без знания о социальном устройстве общества, - продолжал я развивать свою социологическую теорию. – То, что произошло в конце 80-х, начале 90-х годов прошлого века можно назвать буржуазно-бюрократической революцией, и здесь почти по Карлу Марксу, бюрократия, то есть номенклатура, начала активно перенимать специфические буржуазные способы обогащения. На данный момент отечественная бюрократия переплелась с собственниками капитала тысячью корыстных интересов и сама стала солидным собственником. В то же время многие крупные капиталисты заняли государственные должности – произошло слияние капитала с прослойкой крупных чиновников. Современный российский правящий класс, по сути – буржуазно-чиновный. А для защиты своего политического и экономического господства, он нуждается в полицейско-бюрократических методах управления – во властной вертикали. Что же касается репрессированных олигархов, то это отщепенцы, игравшие свою игру и за это наказанные. В 90-х правящий класс был раздроблен на несколько противоборствующих кланов, что немало способствовало развитию хаоса в стране. Выпущенные из ящика Пандоры американского производства разнообразные «свободы» пробудили к жизни организованную преступность, сепаратизм, крайние политические течения и бывший номенклатурщик Ельцин оказавшийся у руля государственной власти после 1991 года почти потерял контроль над ситуацией. Тогда на арену был выпущен Путин свернувший неудавшийся социальный (но не экономический!) эксперимент и восстановивший иерархию внутри правящего класса. Всё вернулось на круги своя. Появилась правящая партия, основанная фактически ни на какой-то идее, а по признаку лояльности и принадлежности к правящему классу. Не удивлюсь если через десять лет за «Единую Россию» проголосуют 99 или 100 % избирателей как голосовали за КПСС.

- Однако в Единой России состоят сотни тысяч разделяющих её программу простых людей, - не согласился со мной Пётр, - я не одни только представители власти.

- Правильно. Так ведь и КПСС состояла из преданных идеалам коммунизма простых членов. Номенклатура же является очень небольшой прослойкой людей выполняющих функцию высшего управления. Декларируемая идеология для них только средство манипуляции людьми. И важно ни кто состоит в партии, а чьи интересы она обслуживает. «Единая Россия» - партия правящего класса, защитник его интересов.

- А мне известно, что и в партийной верхушке ЕдРа, среди депутатов-единороссов далеко не все имеют какое-то отношение к государственной власти или капиталу, - не сдаётся Пётр, - там есть и видные адвокаты, и известные спортсмены, и учёные.

- И тут ты прав, но не понимаешь того, что звание депутата давно уже стало чисто представительской должностью, как было в СССР. Там тоже существовал Верховный Совет и в него избирали всяких сочувствующих-беспартийных, академиков, писателей, учёных и т.д., а не одних только номенклатурщиков. Но на деле Верховный Совет, как и наша Государственная Дума реальной власти не имел. Вообще-то «Единая Россия» будучи партией правящего класса, ещё не есть его управляющий центр. Например, советский правящий класс – номенклатура, был в основе партийным, и всё же не только партийным. Строго говоря,

принадлежность человека к классу номенклатуры определялось занимаемой им должностью. В перечне номенклатурных должностей были посты министров основных министерств, директоров крупнейших заводов, комсомольских вожаков, главных редакторов центральных советских газет, ректоров крупнейших университетов, первых секретарей районных и городских комитетов партии, руководителей республиканских компартий, председателя КГБ. Должности президента Академии Наук и председателя Верховного Совета тоже считались номенклатурными. Кроме того, существовал особый подкласс военной номенклатуры. На вершине номенклатурной пирамиды находился центральный комитет во главе с генеральным секретарём. А центр тяжести современного правящего класса смещён на органы государственного управления, что объяснимо – партия создана не так давно и изначально объединение происходило вокруг избранного беспартийного президента. Кстати, если проследить историю создания «Единой России» окажется, что она возникла в результате объединения нескольких партий представлявших интересы ряда высокопоставленных чиновников, в свою очередь связанных с крупными финансово-экономическими группами. Ещё одно доказательство того, что «Единая Россия» создана не просто для поддержки какого-то Путина и его политики, а является политическим представителем нового правящего класса бюрократии и буржуазии.

- Значит, ты считаешь Путина марионеткой неких сил, а не самостоятельным политиком?

- Путину не нужно быть марионеткой: он проводит политику соответствующую его внутренним представлениям и ожиданиям класса. В большую политику люди не приходят из ниоткуда. О Путине достаточно знать, что он ставленник преемник Ельцина. А то, что его политика радикально отличается от ельцинской, ещё не говорит о его независимости. Никто кроме правящего класса и не мог выдвинуть Путина на высшую государственную должность. Путин это кризис-менеджер РФ и появление подобной фигуры было закономерно. Ещё в середине 90-х раскручивали другого кандидата – генерала Лебедева, но он погиб разбившись на вертолёт, и тогда выбор пал на Путина. Военный или работник спецслужб – расчёт аналитиков ясен – нужен был человек, демонстрирующий твёрдую волю, силу и решительность, противоположность вялому Ельцину. Нужен был человек способный консолидировать правящий класс и восстановить властную вертикаль.

- Хорошо, ты меня почти убедил в существовании сросшегося с капиталом правящего класса чиновников; но разве это не естественное положение вещей? Наверное, в любой развитой стране есть правящие партии, прослойки руководящих чиновников и по мере сил влияющие на них финансовые круги. Чем российский правящий класс хуже американской или европейской элиты? Если интересы Путина и правящего класса идентичны, то получается, что сейчас они выступают за сильное государство и стабильность. А сильное государство способно эффективно защищать интересы всех граждан, национальные интересы страны, в конце концов!

- Никак не могу с тобой согласиться – отвечал я уверенно. - На мой взгляд, нынешняя стабильность призвана обеспечить бесперебойную поставку нефти и газа на запад, и только. Западному миру Россия нужна лишь в качестве сырьевого придатка и псевдопатриотическая риторика наших властей не может скрыть того факта, что Путин ничего не сделал для изменения сложившейся ситуации. И это

не просчёт, и не упущение, а, по-видимому, сознательная позиция. Она объясняется тем, что современный правящий класс является проводником неокOLONиализма в России и его объединённые коллективным эгоизмом групповые интересы прямо противоположны настоящим национальным интересам.

Петя надолго задумался, переваривая услышанное. Не впервые мои слова погружали его в раздумья. Как и меня, его волновали общественные вопросы; острое желание разобраться в тайных механизмах происходящего, понять подлинные причины политических решений не позволяло ему вечно пребывать в блаженном неведении, как происходит с обычными людьми.

Размышления прервал громкий стук в дверь. К Медведю пришли его «товарищи по работе». Я открыл кормушку, выглянул на галерею и увидел двоих спортсменов часто посещающих старого бандита. Их звали Рома и Володя, и я был с ними неплохо знаком и даже как-то раз провёл у них в камере несколько дней.

- Здорово, скинхэд! Позови Медведя, - сказал Володя – высокий светловолосый парень похожий на былинного богатыря с картины Константина Васильева.

- Его нет, уехал на суд, - ответил я и спортсмены ушли.

День продолжался

Мы посмотрели по телевизору пресный выпуск новостей, сыграли пару шахматных партий и уже подумывали о том, чтобы приступить к приготовлению обеда, как вдруг дверь открылась. На пороге стоял оперативник Стебенёв жестом руки зовущий меня на выход. Одно только лицемерие физиономии Стебенёва, причинившего мне столько проблем, могло надолго испортить настроение, а от приглашения вдобавок куда-то с ним идти на меня мигом нахлынули нехорошие предчувствия. Забегая вперёд, скажу, что ожидание неприятностей оправдалось.

Стебенёв довёл меня до узкого протяжённого тоннеля соединяющего под землёй первое и второе здания-креста. С левой стороны здесь был маленький проход, ведущий к переплетению коммуникаций и непонятого назначения помещениям, словно вырубленным в бетонной толще подвала. В крохотной комнатухе, где едва помещались два стула, и стол сидел Георгий Бойко.

Он выглядел немного странно. Кожаная жилетка одетая поверх тёмной рубашки с широким рукавом, чёрные слаксы, туфли-лодочки + черноглазое монголоидное лицо делали его похожим на цыгана из телесериала. Но в отличие от внешнего вида, его намерения не имели ничего забавного.

Дав понять, что сегодняшняя встреча носит мирный характер, Бойко без лишних промедлений предложил мне сделку. Она касалась обвинения руководителя питерской националистической организации «Blood&Honour» («Кровь и Честь») в создании экстремистского сообщества и разжигании межнациональной вражды с использованием СМИ. Обвиняемый Алексей Б. был моим давним знакомым, и последний год мы круто конфликтовали, едва не перейдя к силовому противостоянию. Бойко знал о нашей ссоре и поэтому рассчитывал на моё согласие дать свидетельские показания против Алексея. В противном случае я

рисковал сам стать обвиняемым по делу «В&Н» и получить, таким образом, добавку к ещё не назначенному сроку наказания в виде 3-4 лет тюрьмы.

По-своему оперативник рассудил правильно: неприязненные личные отношения вместе с нежеланием нести уголовную ответственность ещё по одному делу могли побудить меня к принятию сделки. Таким путём я уходил от уголовного преследования, приобретая статус свидетеля и заодно удовлетворяя чувство мести, мог создать серьёзные неприятности Алексею Б. Однако Бойко не осознавал самого главного: несмотря на конфликт, Алексей был моим товарищем, образно говоря, мы с ним стояли по одну сторону баррикад, тогда как Бойко находился на противоположной. Дать против него показания означало совершить грех предательства – куда более тяжкое преступление, чем записанные в уголовном кодексе. Уголовник, связанный с подельниками одними только лично-эмоциональными и материальными отношениями, оказавшись на моём месте, не стал бы долго раздумывать и принял выгодное решение. Я так поступить не мог.

- Я не могу дать показания, - сказал я, вызвав недоумение Бойко, - это невозможно.

- Ты, наверное, не понял. Ты ничего не потеряешь, будешь свидетелем. Понимаешь, сви-де-те-лем, - взорвался оперативник. – По тому делу за всё ответит Б. Помогаешь утопить его на суде и остаёшься чистым! Неужели ты хочешь разделить с ним ответственность? Тебе что своих статей не хватает?!

- Вопрос исчерпан, - отрезал я, и недоумение Бойко переросло в злость. Его лицо потемнело; он не мог выговорить ни слова. Обречённая на успех оперативная комбинация распалась. Пришёл Стебенёв и, оценив ситуацию, занялся любимым делом – угрозами.

- Мало ты покатался по Крестам, мало... А может его ещё прокатить? – спросил он убоповца, тот пожал плечами. Я был в их полной власти, и нисколько не стесняясь моего присутствия, они обсуждали карательные меры, как не стеснялись бы предназначенного для бойни быка обсуждая рецепты изготовления говяжьих котлет.

- Вроде ему жить надоело, - сказал Стебенёв, нехорошо ухмыльнувшись. – Не пора ли тебе перерезать вены и освободить мир от своего присутствия? – обратился ко мне.

Я хранил равнодушное молчание. Поняв, что чего-либо добиться от меня не получится, опера «махнули рукой» и, вызвав младшего инспектора, отправили меня обратно.

На душе лежал горький осадок. Угрозы оперов я не воспринял всерьёз, но к мыслям примешивались нотки отчаяния. Я стоял в самом начале необозримого пути ведущего к свободе – тревожного пути с ежеминутно подстерегающей опасностью. Я был пленён и враги сколько угодно могли издеваться надо мной, бить и унижать, превращать в человеческую пыль, в ничто. Для стражников системы я и был пылью, и осознание абсолютной бесправности тяжким грузом ложилось на плечи, рождая гнетущую неуверенность в завтрашнем дне. Заключение, чем мог я ответить на террор облечённых властью государственных служащих? Права человека здесь были меньше пустого звука –

они представлялись инопланетными понятиями. Как в космической чёрной дыре под чудовищным давлением теряют силу законы физики, так и в концентрационном пространстве тюрьмы человеческие законы больше не охраняют людей пленённых не знающей жалости государственной системой.

Спустя день прошли президентские выборы. Состоялось голосование и на Крестах. К нему допустили неосуждённых заключённых по Конституции считающихся невиновными. На корпусах поставили урны для бюллетеней выданных всем желающим совершить демократическое волеизъявление. Впрочем, среди арестантов СИЗО№1 избирательная активность была невелика. На нашей галерее из примерно полутора сотен арестантов проголосовали порядка десяти. Тем больше было моё удивление, когда из СМИ я узнал о стопроцентном голосовании заключённых питерских СИЗО. Необычным казались и их предпочтения: зэк из соседней камеры отдал свой голос Путину! Деревенского мужика арестовали за кражу четырёх алюминиевых кастрюль квалифицированную как хищение имущества в крупных размерах! Не видя взаимосвязи между всеобщей безработицей на селе и политикой государства, он хвалил Путина за то, что тот «навёл порядок». Ему не пришло на ум, что его арест это и есть наведение порядка по-путински.

Я проголосовал за Сергея Юрьевича Глазьева, которому симпатизировал не из-за рекламы, а по причине настоящей близости воззрений. Маленький символический акт против правящего класса...

СУДЕБНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ 1, 2 И 3 АПРЕЛЯ 2004 ГОДА

Две недели промчались со скоростью экспресса. Наступило первое апреля, и ранним утром я вновь стоял посреди подвального коридора с круглыми сводами.

Стебенёв всё-таки совершил небольшую провокацию: на моей личной карточке появилась широкая красная полоса – знак профилактического контроля. Стало ясно, что оперативник подразумевал, говоря о «моём» нежелании жить – он оформил меня как склонного к суициду, хотя я и не давал для этого оснований. Ухудшения тюремного режима данная отметка не несла, зато иногда сильно осложняла условия конвоирования, с чем я и столкнулся первого апреля.

Назвав мою фамилию, сотрудник комендатуры не указал как прежде номер собачника, куда я должен проследовать, а сказал пока подождать. Распределив судейских зэка по камерам, он открыл громоздящийся посреди коридора одиночный стакан, и предварительно сцепив запястья наручниками, закрыл меня в нём.

Снаружи стакан выглядел имеющей форму холодильника бетонной глыбой чуть выше роста человека, длиной полтора-два и шириной один метр. Внутри имелось грубое сиденье; и больше ничего. Внешний мир существовал за глухой металлической дверью. Свет не работал. По жестокой прихоти оперативника мне предстояло провести шесть часов заточённым в крошечной темноте бетонного мешка и думаю, будь я на деле склонен к самоубийству – могло случиться непоправимое; наручники не стали бы помехой.

Окружающая темнота поглотила мироздание; вселенная за пределами стакана развеялась дымом, растаяла иллюзорной выдумкой разыгравшегося воображения. Меня мучили затекающие мышцы, объятья пронзительного холода и мысли под влиянием ирреальной обстановки неуклонно принимающие фантастическое направление. Как будто я умер и нахожусь в неописанных Данте Алигьери областях ада, где повелитель мёртвых распростёр над грешными душами чёрные крылья вечного страдания. С шокирующей правдоподобностью я представлял себя заживо замурованным католической инквизицией еретиком и проклинал коварных палачей Минюста. Подражая святым отцам-инквизиторам, они снабдили стакан вентиляционной отдушиной, чтобы я не задохнулся раньше времени от недостатка воздуха и до конца познал уготованную боль. Застенки НКВД, ужасы американских военных тюрем, «1984» - любые сравнения были здесь уместны.

Открытый по приезду конвоя спустя пять часов я на мгновения почувствовал себя освобождённым из чеченского зиндана российским солдатом. Разыгралась немая сцена: сотрудник СИЗО снял с меня наручники, а конвоир сразу же надел другие. Меня повели к машине.

Транспортировка в наручниках имела три отрицательных момента. Во-первых, я не смог самостоятельно залезть в грузовик. Пол автозака находился на уровне моей груди и, поставив ногу на железную подножку, я подпрыгнул, рванувшись вперёд – увы, неудачно; падение предотвратили подхватившие и закинувшие меня вовнутрь конвоиры. Во-вторых, со скованными за спиной руками я уже не мог по ходу движения держаться за прутья решётки или опираться о стену, и, мотаясь по всему отсеку, я чуть было не разбил голову, подпрыгивая от резких манёвров лихача водителя. И, наконец, сильно отекали и болели сжатые тяжёлыми браслетами руки.

Вопреки ожиданиям в суде меня не стали расковывать, а лишь застегнули наручники спереди. Из разговоров конвоиров я понял, что сегодня приняты особые меры безопасности. Громкий процесс над «Шульц-88» всколыхнул размеренное бытие районного суда, привлекая толпы журналистов, сотрудников спецслужб, сочувствующих и просто любопытствующих граждан. Провокация Стебенёва нашла хорошую почву: охрана опасалась, что в знак протеста я перережу себе горло прямо в зале суда! Я мысленно представил это и улыбнулся. (Спустя шесть лет попытку перерезать себе горло в суде совершит бывший участник Ш.88 Алексей Воеводин).

После получаса относительного отдыха сопровождаемый целым отрядом вооружённых конвоиров и судебных приставов я отправился на заседание. Агрессивные репортёры на этот раз атаковали меня сразу же за дверью конвойного помещения. Съёмочная группа пряталась под лестницей, и только мы вышли, выскочила как чёртик из шкатулки, ловя меня прицелом телекамеры. Дальше было хуже – от непрерывных фотовспышки громкого гомона я даже растерялся, а визуальная картинка покрылась рябью помех.

Зал судебных заседаний нисколько не изменился за прошедшие полмесяца. Шумная стайка адвокатов весело о чём-то галдела; импозантный Адалашвили рассказывал нечто анекдотическое и имел успех. Подсудимые, находящиеся под подпиской о невыезде сидели лицом к судейской кафедре на выстроенных шеренгой стульях и выглядели спокойными. Краснолицый прокурор Бундин

пыхтел и надувал щёки, читая документы; видимо готовился к допросам подсудимых и свидетелей. Очаровательная Кузнецова была по-прежнему неотразима. На лицах зрителей читался полный спектр эмоциональных состояний и чувств – от страха и подавленности до отрешённости и возбуждения. Георгий Бойко видел крайним слева. Его лицо хранило выражение глубокого удовлетворения. Он три года работал для того, чтобы этот суд состоялся.

- Встать! Суд идёт! – возвестила секретарь и вошла Жданова. На её щеках алел румянец.

Следуя процедуре, Жданова проверила явку подсудимых, свидетелей и адвокатов; убедившись, что все участники процесса на местах объявила о начале судебного заседания; известила о выделении дела в отношении Дмитрий Баталова в отдельное судопроизводство и дала слово стороне обвинения.

Встал толстощёкий как земляная жаба прокурор Бундин и начал зачитывать многостраничный текст обвинительного заключения – монотонное произведение канцелярского жанра. Американский писатель Фолкнер любивший сочинять предложения по триста и более слов мог бы позавидовать создателю этого «шедевра». Бесконечное перечисление злодеяний «Шульц-88» соперничало с таковымна Нюрнбергском процессе, и когда спустя сорок минут гособвинитель закончил собравшиеся казались оглушёнными. Эффект достигался массированным выбросом бездоказательных утверждений густо приправленных многократно повторяемыми описаниями экзекуции Гаспаряна. Слушая прокурора можно было предположить о летальном исходе нападения, - так были сгущены краски, но медицинская экспертиза, зафиксировавшая мелкие ссадины опровергала напрашивающееся умозаключение. Помимо инцидента на «Пушкинской», прокурор поведал о сотнях организованных мною расправах над инородцами – более чем претенциозное утверждение. Ведь кроме драки на «Пушкинской» другие насильственные акции «Шульц-88» на суде не рассматривались и по уголовному делу не вменялись. Поэтому прокурорское словоблудие воспринималось попыткой замаскировать политический характер процесса, придав ему вид справедливого возмездия убийцам-скинхэдам.

По окончании выступления Бундина судья задала вопрос о признании вины. Полностью признал себя виновным Мадюдин, категорически отверг обвинение Вострокнутов, а остальные ребята признали вину частично. Они согласились с избиением Гаспаряна, но отрицали участие в экстремистском сообществе. Мне же при выборе из двух вариантов ответа – «да» или «нет», ничего не оставалось, как выбрать третий. – Я отказываюсь выражать своё мнение по поводу предъявленного обвинения, - произнёс я, вызвав непонимание судьи. Мной руководило стремление выйти за рамки навязанных правил, оставаясь на позициях наблюдателя. Я не собирался ни публично раскаиваться, ни отпираться, решил по большей мере молчать, обращаясь к суду только в связи с нарушением прав и законов. Моей задачей было показать, что судебный театр основан на беззаконии и на полицейской силе государства растоптавшей человеческое достоинство, справедливость и свободу.

Открылось судебное следствие, начинаемое обыкновенно допросом подсудимых. Прокурор спрашивал, подтверждает ли подсудимый показания данные следователю, а после задавал дополнительные вопросы. Если допрашиваемый не признавал прошлые показания, - а такое случалось, - Бундин руководствуясь

УПК, всё равно настаивал на их оглашении и протоколы допросов зачитывались и принимались к сведению суда вне зависимости от того, подтверждает их допрашиваемый или нет. С первых произнесённых слов Бундин показал себя виртуозом допроса: без видимого напряжения он извергал десятки чётко сформулированных вопросов детально раскрывающих интересующие обвинения обстоятельства; стиль прокурорского допроса отличался тщательной основательностью призванной обнажить все аспекты связанные с делом и исключить играющие на руку защите недосказанности. С невольным удовольствием я наблюдал за тем, как ни на минуту не теряя атакующего напора, гособвинитель ведёт психологические словесные поединки с допрашиваемыми, играючи загоняет их в угол, лишает эмоционального равновесия. Корректный, говорящий с лёгким налётом интеллигентности Бундин умел особой постановкой вопроса резко смутить человека, привести в замешательство и, укрепляя успех довести до настоящей паники. Лучше с ним не связываться, - решил я.

Неторопливое действо судебного следствия протекало с целеустремлённой необратимостью. Прокурор уверенно и непринуждённо дирижировал представлением, и по мановению его руки вставали и говорили люди, и каждое записанное секретарём процесса слово становилось достоянием истории. Плелась паутина слов, мягко щёлкали клавиши компьютера, и было странно вот так вот сидеть на скамье подсудимых и слушать бесхитростные рассказы, как будто подводящие итоги трёхлетней деятельности «Шульц-88». Вызываемые прокурором тени прошлого одна за другой появлялись из небытия и колонками текста ложились на стенограмму протокола.

От дачи показаний я отказался, и всё же допрашивая подсудимых, а позже – свидетелей, Бундин не забывал каждый раз меня спрашивать, подтверждаю ли я их слова. Это изрядно нервировало – я был вынужден постоянно вставать, повторяя набившую оскомину фразу: «Я отказываюсь отвечать на вопрос».

В общем и целом результаты допроса подсудимых произвели на меня благоприятное впечатление. Дотошность Бундина послужила хорошую службу: сам того не желая, он разрушал стройную версию обвинения, вскрывая многие противоречия между запротоколированными показаниями и реальным положением дел. Широко разрекламированные средствами массовой информации Шульцы на проверку оказались обычными подростками, ничем не хуже своих сверстников. ореол отъявленных негодяев им не подходил, приклеенные пропагандой ярлыки бесчеловечных преступников отпадали. Виновность подсудимых не вызвала сомнений, однако тяжесть вины уменьшалась на глазах, обвинение теряло значительность. Преувеличенно негативный образ Ш88 со страниц газет и протоколов развеивался на судебном заседании.

Незаметно пробежали три часа. Перед допросом свидетелей милосердная Жданова обратила внимание на мои до сих пор скованные опухшие руки и попросила конвоиров снять наручники. Конвоиры отказались, сказав, что не имеют права меня расковырять, но после получасового перерыва расстегнули стальные браслеты.

Единственным на сегодня допрошенным свидетелем стал Георгий Бойко. Это был его звёздный час. Безвестный опер три года назад принявший миссию по уничтожению «питерской скин-группировки №1» пожинал плоды рук своих. Бритоголовые сидели на скамье подсудимых, а Бойко, светясь лучами славы,

предавался приятным воспоминаниям о проделанной работе. И судье, и обвинению, и защите, и лично мне, и всем собравшимся было интересно его слушать; живая речь оперативника воспринималась куда проще неудобоваримых формул обвинительного заключения.

- Допрашивается свидетель Бойко Георгий Владимирович, 1974 года рождения, работающий старшим оперуполномоченным в 18 отделении УБОП. Свидетелю разъяснена ст.56 УПК РФ, а также свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, в соответствии со ст.ст.307 и 308 УПК РФ, о чём взята расписка, которая приобщена к делу

Бундин: Весной 2003 года, где вы работали?

Бойко: старшим оперативником 18 отдела УБОП.

Бундин: Что входило в ваши служебные обязанности?

Бойко:Выявление экстремистских организаций.

Бундин: Что вам известно о группировке «Шульц-88»?

Бойко: Впервые с этой группировкой я столкнулся в 2001 году. Поступила оперативная информация, что существует такая организация. Я начал проводить оперативно-розыскные мероприятия и узнал, что её лидером является человек по кличке «Шульц», как я узнал позже это был Дима Бобров.

Бундин: Что вам стало известно в ходе проверки о «Шульц-88»?

Бойко: Люди, которые входили в эту группировку утверждали, что Бобров Д.В. собирает группу лиц для ведения войны с лицами неславянской внешности. Они собирались, шли по улицам, в метро, когда видели иностранца, по команде Боброва нападали на потерпевшего, избивали его, наносили удары. Они совершали «прыжки» (нападения) на лиц не славянской национальности – нападали, избивали, разбегались. Это были силовые акции.

Бундин: Когда началась деятельность группировки «Шульц-88»?

Бойко: Мною была установлена примерная дата, весна 2001 года. Так было написано в первом номере журнала«Made in St-Petersburg».

Бундин: Сами вы с Бобровым Д.В. встречались?

Бойко: Видел его на концерте группы «Коловрат».

Бундин: Как долго вы наблюдали за Бобровым в тот день?

Бойко: Минуты 1,5-2.

Бундин: Он делал какие-то заявления?

Бойко: Нет. Также мне стало известно о причастности группировки «Шульц-88» к совершённом 07.11.2001 избиению двух граждан Танзании в метро.

Преступление было совершено футбольными фанатами, но инициатором избиения был Бобров.

- Подсудимый, - обратилась ко мне судья Жданова, - вы можете прокомментировать показания свидетеля?

- Да, ваша честь. Я хочу заявить о непричастности к избиению негров 7 ноября 2001 года. Свидетелю Бойко прекрасноизвестна моя невиновность в совершении этого преступления и я не понимаю, какое отношение инцидент с африканцами имеет к предмету данного судебного разбирательства.

Оперативник был вынужден подтвердить мою непричастность, а я не упустил случая разоблачить лицемерие Бойко изображавшего себя защитником закона на деле сплошь и рядом попираемого им. 3 августа прошлого года опера из 18 отдела выбили кувалдами дверь моей квартиры и провели грабительский обыск, после чего привезли меня в отдел и там пытали и издевались, добиваясь признательных показаний. Натерпелся я немало: шестеро крепких оперов руками и ногами били меня по голове и по корпусу, ударяли по голове свёрнутыми толстыми журналами и книгами, приставляя к виску заряженный пистолет, угрожали смертью, если я не подпишу признаний. Естественно, я освидетельствовал побои и сотрясение мозга и написал на сотрудников 18 отдела заявление в милицию. По факту заявления назначили служебную проверку, конечно же не нашедшую оснований для возбуждения уголовного дела. Именно тогда начальник антиэкстремистского отдела полковник Чернопятков пообещал мне камеру с кавказцами, и я подумал, что суд должен знать не озвученные подробности работы Бойко...

- Действительно, по жалобе Боброва мною проводилась проверка... - объяснял Бойко Ждановой.

- Как? Вы проводили проверку по жалобе на ваши же действия? – изумилась Жданова. – Ведь это незаконно!

- Я исполнял приказ начальника отдела,- неуверенно сказал Бойко и я почувствовал, что мой замысел венчается успехом – зёрна сомнения дают всходы. В дальнейшем ловить свидетелей на лжи, на противоречиях, на неблагоприятных поступках ставящих под вопрос их объективность стало моим центральным тактическим ходом. Ненавязчивыми штрихами смазывая картину идеальной доказанности, я сеял недоверие к доводам обвинения.

В конце заседания адвокат потерпевшего Петросян внезапно выступил с неожиданным ходатайством:

- Прошу назначить подсудимому Боброву стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Это необходимо для определения его психического состояния, так как его поведение неадекватно, совершить такие поступки мог только психически нездоровый человек.

- Считаю, ходатайство не подлежит удовлетворению, поскольку для проведения судебно-психиатрической экспертизы нет никаких оснований, - парировал мой адвокат.

Решающее слово осталось за Бундиным:

- Ходатайство адвоката Петросяна не подлежит удовлетворению, так как в ходе предварительного следствия сомнений во вменяемости Борова не возникало, на учёте в ПНД он никогда не состоял и ходатайство является необоснованным.

Суд постановил в ходатайстве Петросяна отказать.

Обратная дорога не ознаменовалась ничем новым. Уже привычно я трясся в заполненном до отказа автозаке, скучая, ожидал корпусного стоя посреди многолюдного собачника, и еле шевеля гудящими ногами, возвращался через крестовское подземелье в ставшую домом камеру 791. После первоапрельского заседания я вернулся около десяти часов вечера и с одиннадцати до пяти утра спал, видя фантазмагорические сновидения, в которых экстремальные сцены уличного насилия причудливо переплетались с чёрно-белыми кадрами обвинительной речи Бундина призывавшего «расстрелять поганых шульцов как бешеных собак!» Я не высыпался, уставал, усталость накапливалась и три следовавших подряд заседания слились для меня в один парадоксально нескончаемый процесс, абсурдно-фантастический словно «Процесс» Франца Кафки. Два раз я успевал увидеть выпуски теленовостей о суде над самим собой, и ощущение нереальности происходящего усиливалось. Со всех точек зрения этот суд был необычен, отличался от простых уголовных разбирательств ежедневно тысячами проходящих в российских судах. Он стал первой ласточкой начатой властями «охоты на ведьм» - войны с праворадикальными группировками, однако судили меня преимущественно за одни убеждения и оттого судебно-следственная система, растерявшая опыт 37-го года допустила превращение трагедии в драматический фарс достойный цирка «шапито», но не правосудия.

Заседания 2 и 3 апреля были целиком посвящены допросам свидетелей. Невозможно и нет смысла полностью приводить здесь текст протокола, засоряя книгу переложением не имеющей художественной ценности пустопорожней болтовни. Затрону наиболее запомнившееся.

Первым допрашивался Глеб – худенький семнадцати- или шестнадцатилетний мальчик – робкий, застенчивый и перепуганный до потери разума. Глеб был поклонником футбольного клуба «Зенит» и 29 марта 2003 года собравшись на матч с московским ЦСКА, он и в кошмарном сне не представлял таких неприятных последствий весёлого сбора болельщиков. Бойко хорошо поработал с Глебом, и он подписал подготовленные Тихомировым бумаги; а сейчас дрожащий от страха перед перспективой оказаться в тюрьме мальчишка послушно подтвердил показания на судебном заседании. Не обошлось без курьёзного происшествия: заняв место у свидетельской трибуны, Глеб побледнел и упал в обморок. Жданова объявила кратковременный перерыв, а падкие до сенсаций журналисты разразились в тот день тревожными сообщениями: «На громком судебном процессе по делу экстремистской организации «Шульц-88» проходящем сегодня в Ленинском федеральном суде Санкт-Петербурга, очевидец совершённой скинхэдами расправы над уроженцем Армении потерял сознание во время дачи свидетельских показаний!»

Следующий свидетель по имени Коля был другом и одногодкой Глеба. Его я немного знал и догадывался, что согласие свидетельствовать против меня было

продиктовано ещё большим страхом. За два года до описываемых событий произошло нашумевшее убийство торговца арбузами Мамедова. Совсем юные парни – скинхэды и футбольные хулиганы – забили пожилого азербайджанца стальными прутьями и истыкали ножом, записав казнь на видеокамеру. Одним из убийц был Коля избежавший наказания ценой негласного сотрудничества с правоохранительными органами. Его выступление свидетелем обвинения по делу Ш88 являлось проявлением этого сотрудничества. – Очередное предательство на службе у системы.

Откровенно говоря, предательство и говор лежали краеугольным камнем доказательной базы обвинения. Изрядная часть свидетелей относилась к числу бывших участников Ш.88 освобождённых от уголовной ответственности как «добровольно вышедшие из экстремистского сообщества лица». Были и те, кто остался верен былому товариществу, но, как минимум, половину свидетелей составляли бывшие шульцы в своё время исключённые или по своей воле вышедшие из организации или близкие к движению люди. Другая половина состояла из малознакомых или вовсе незнакомых молодых людей, тем не менее, сообщивших массу информации о Ш.88 и лично обо мне.

Апофеозом клеветнической лжи стало выступление свидетеля Соловья. Про меня он рассказал многое – вплоть до описания моих привычек, характера, образа жизни, убеждений. Правда, источником информации Соловей называл третьих лиц на заседании отсутствующих, т.е. фактически занимался изложением слухов. Достоверность сообщённых им сведений была ниже достоверности показаний Бойко говорившего вообще что угодно с объяснением, что это оперативная информация, источники которой он не имеет права раскрывать. Но Бойко действительно работал над делом Ш.88, обладал большими знаниями и даже определённой этикой, тогда как полёт фантазии Соловья не сдерживался ничем, а реальный уровень информированности оставлял желать лучшего. Словно оправдывая фамилию, Соловей «пел» и можно было подумать, что мы близкие друзья – так много интимных подробностей он поведал, а когда я спросил его, сколько раз и когда мы встречались, он ответил, два раза с перерывом в полтора года. Тогда я спросил, сколько мы проговорили тогда, он ответил, 15-20 минут, и больше у меня вопросов не возникло. – Стараниями досужих сплетников доказывалось обвинение.

Прокурор молчал, а я ощущал беспомощность. Как защищаться от неприкрытой лжи, от показательной алогичности, от подтасовок видимых невооружённым взглядом? Внезапно, как снег на голову ко мне пришли два понимания. Первое: независимым судом я был бы оправдан. Второе: в российском суде оправдание невозможно. Доказательства здесь никого не волновали, играли чисто формальную роль и потому их явная сфабрикованность не вызвала реакции судьи. Не установление истины было целью процесса, а назначение наказания после совершения предписанных законом формальностей.

Память сохранила выступление, окончательно придавшее судилищу позорный облик театра абсурда. Некий Т. три года назад небольшое время примыкавший к группе показал, что я являюсь лидером Ш88, что я призывал к расправам над инородцами, организовывал расправы, печатал пропагандистские материалы и т.д. После допроса свидетеля прокурором я тоже задал ему несколько вопросов.

- Свидетель, скажите, а вам что-нибудь известно о нападениях участников «Шульц-88» на кого-либо?

- Нет! Мне ничего не известно, - не раздумывая, отвечал Т. только что говоривший прокурору нечто совершенно противоположное.

- Вы уверены, что я лидер группировки?

- Совсем не уверен! – и т.д.

Жданова удивлённо подняла брови:

- Вы что же отказываетесь от данных вами показаний?

- Нет, ваша честь, я их полностью подтверждаю!

- Подтверждаете, что подсудимый Бобров призывал избивать выходцев с Кавказа, Африки, азиатского региона и лиц исповедующих иудаизм?

- Да, ваша честь, - сказал Т., и карусель закрутилась по-новой.

- Я избивал людей с неславянской внешностью? – спросил я.

- Никогда не видел! – почти выкрикнул свидетель.

- Может быть, призывал к избиениям?

- Таких призывов не слышал!

- То есть вам неизвестно, чтобы я организовывал над кем-нибудь расправы?

- Нет, не известно!

Т. был невменяем

Другой запомнившейся свидетель принадлежал к досаждавшей мне журналистской братии – был сотрудником питерского Агентства журналистских расследований. АЖУРовская газета «Ваш Тайный Советник» некогда опубликовала серию статей про скинхэдов, в том числе и о группировке «Шульц-88». В статьях обильно цитировались наши печатные издания и журналиста вызвали для того, чтобы он объяснил происхождение использованных материалов. Он рассказал, что приобрёл журналы со зловещим логотипом «Только для белых!» у распространителей печатной продукции националистического толка базирующихся около станции метро «Гостиный двор» и ушёл; мне же запомнился неестественным поведением и статьёй появившейся через неделю в «Тайном Советнике». Ажуровец преодолевший закрытый режим процесса и оказавшийся внутри зала судебных заседаний, чего не смогли сделать другие журналисты, проявил профессиональную сноровку состряпав «репортаж из зала суда».

Завершило трёхдневный судебный процесс вдвойне неожиданное ходатайство прокурора. Видимо что-то перемкнуло в его голове, и Бундин потребовал

проведения в отношении меня судебно-психиатрической экспертизы – то есть попросил суд о том, в чём два дня назад не видел никакой необходимости. Я был против и недоумевал, Жданова тоже удивилась, тем более что вменённые мне статьи суд. - псих. экспертизы не подразумевали, однако, поразмыслив, ходатайство удовлетворила. Продолжение суда отложили на неопределённый срок, до получения заключения тюремных психиатров. Процесс затягивался.

РАЗГОВОР О ФАШИЗМЕ

- Почему ты стал фашистом? – как-то раз спросил меня Пётр.

- Это запрещённый приём, - ответил я. – Да и вообще я не фашист.

- ?

- Видишь ли, фашизм в современном понимании это фикция. К тому же никакого единого понимания слова фашизм, не существует. Когда Ельцин однажды решил издать указ о борьбе с фашизмом, встал вопрос определения этого термина. Академии Наук тогда поручили сформулировать такое определение, но за год работы академики так и не определились. Оттого и указ выпущен не был. А Путин подошёл к проблеме хитрее и при нём приняли закон о противодействии экстремистской деятельности, где нет определения экстремизма, зато есть определение экстремистской деятельности – простое перечисление деяний и ранее наказуемых законом: разжигание межнациональной розни, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя и т.д. И не слова о фашизме, ведь фашизм это всего лишь мифологический образ из арсенала демагогической пропаганды, фикция.

- Но итальянский фашизм не был фикцией?

- Разумеется, итальянский фашизм реально существовал, однако он на то и итальянский, что под него никакого русского не поведёшь. Хотя «Единую Россию» вполне можно назвать типичной фашистской партией. Для идеологии итальянского фашизма как раз было характерно признание первичной роли государства и отсутствие расизма и антисемитизма. Понятно, никто не заинтересован в проведении параллелей между фашистской партией Италии и «Единой Россией», но они есть.

- Кем же ты себя считаешь?

- Национал-социалистом!

- Ну знаешь, для россиян это то же самое, что и фашизм. И первое, и второе прочно ассоциируется с великой отечественной войной, военными преступлениями гитлеровцев и миллионами погибших. Как можно в России исповедовать нацизм? Не понимаю!

- А я тебе объясню. Нужно всего лишь проявить немного интеллектуальной честности, посмотреть фактам в лицо и ты увидишь как десятилетиями вдалбливаемая ложь растворится в твоём сознании не оставив и следа. Давай

для начала разберёмся с военными преступлениями. Нацистов всегда ими попрекают, ссылаясь на решения Нюрнбергского трибунала. Но спросим себя: а судьи кто? И выяснится, что крупнейшие военные преступления второй мировой войны это варварское уничтожение англо-американской авиацией немецкого города Дрездена и атомная бомбардировка американцами японских городов Хиросима и Нагасаки – беспрецедентные по массовости и жестокости акции уничтожения мирных жителей вооружёнными силами союзников. И вспоминая жертв белорусской Хатыни, вспомним и польскую Катынь, где советские солдаты убили тысячи беззащитных военнопленных. А потопление Вильгельма Густлоффа? А массовые изнасилования итальянских женщин солдатами-марроканцами? А грабежи и изнасилования на германских землях? Какую правовую и моральную оценку можно всему этому дать? ... Так что давай будем объективными и признаем, что в ходе второй мировой войны военные преступления совершались обеими воюющими сторонами и всё сваливать на одних немцев нельзя. А если посмотреть глубже, то выяснится, что военные преступления в военное время – печальная неизбежность, потому что сама ситуация войны аннулирует понятие преступления, как его понимают в мирное время, ставя на его место новые категорические императивы.

- Пусть военные преступления совершались также и союзниками, пусть. Но ими двигали благородные мотивы – стремление освободить мир от агрессора!

- Ха-ха-ха-ха-ах, - не выдержал я и рассмеялся. – Извини, но твой пафос мне показался настолько трогательно-наивным, что я не смог сдержаться. Благородные мотивы! Наказание агрессора! А на самом деле?

Вторая мировая война началась, как известно, после объявления Англией и Францией войны Германии. Мирные в кавычках империалисты решили наказать немецкого агрессора и развязали мировую войну. Как будто английские и французские колонии по всему миру были завоёваны ими не в результате агрессивных войн! И вот у них, наконец, проснулась совесть. А где же позволь спросить, находилась их совесть во время советской агрессии в отношении маленькой Финляндии? Спала, по-видимому. Кстати, советские историки объясняют, что, дескать, нужно было отодвинуть границу от Ленинграда, в общем, находят оправдания захватническим действиям СССР. Если принимать их оправдания, то почему не принять также и объяснение Гитлера о том, что нападение Германии на СССР является превентивной мерой самообороны вызванной концентрацией советских войск в приграничных районах? И ты забываешь, что фашизм считался коммунистами просто крайней формой капитализма, и они собирались «освободить» мир не только от него, но и от всей капиталистической системы. Что не помешало им заключить с Германией союз для захвата Прибалтики и присоединения Западной Украины. А западные демократии рассматривали нацистскую Германию как хороший буфер и средство защиты от ожидаемой красной экспансии и потому легко соглашались с территориальными претензиями Гитлера, приближая день смертельной схватки между советским и нацистским государствами. Пойми, я далёк от того, чтобы искать оправдания третьему рейху, ибо он в них не нуждается, но не надо путать отстаивание национальных интересов и государственной независимости держав с благородством, а стремление к мировому господству со свободой. Немного свободы прибавилось в мире после 1945 года. Давно превращённый в огромный концлагерь Советский Союз включил в зону своего влияния страны Восточной Европы, распространив на них вакханалию судебных процессов над «врагами

народа», массовые репрессии и истребление целых социальных групп. А другие победители фашизма – западные демократии во главе в США ныне принесли «свободу» народам Ирака и Афганистана. Правда, многие тысячи мирных жителей погибшие от ракетно-бомбовых ударов до свободы не дожили, зато оставшиеся в живых сполна ощутили её на себе и теперь молятся на Аль-Каеду и Талибан, чтобы они освободили их от американской «свободы». Обошедшие весь мир любительские фотографии сделанные американскими военными в тюрьме Абу-Грейб, наглядно показали какую «свободу» принесли американцы в Ирак. Недавно спокойная страна стала царством насилия, терроризма, бесконечных межэтнических и межрелигиозных вооружённых столкновений, гражданской войны. И какое совпадение, вновь ими двигают «благородные» мотивы!

- Ты всё валишь с больной головы на здоровую! Какая связь между оккупацией Ирака и второй мировой войной?

- Самая прямая. Ведь мы о чём говорим? Об отрицательных последствиях политики проводимой сторонниками идеологической системы – национал-социалистами. Вполне уместно провести сравнительный анализ политики их противников – коммунистов и западников. А если рассматривать национал-социализм изолированно от других идеологий и в отрыве от исторического контекста, то где нам взять критерии оценок? Или судить по принципу «кто сильнее тот и прав»? Так сегодня и делают, обвиняя гитлеровцев во всех смертных грехах, раз они проиграли на поле битвы. А потом удивляются, что идеологическое оболванивание даёт сбой и дело Гитлера всё ещё живёт в сердцах молодёжи. Чем была вторая мировая война? Это был не просто военный конфликт держав, а противостояние идеологических систем – с одной стороны фашизма – реального исторического фашизма, а не того пугала, которым сейчас страшат детей, - и коммунизма вошедшего во временный союз с западничеством. Каждая идеология боролась за мировое господство и для достижения поставленных целей не брезговала ни массовыми убийствами, ни нарушением человеческих прав. Фашизм был побеждён и заклеимён и Западом и востоком, как человеконенавистническая идеология, а потом вчерашние союзники стали грызть друг друга, началась холодная война – продолжение борьбы за мировое господство. Активные военные действия переместились на периферию цивилизованного мира – пожары войн вспыхнули в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Америке. И вновь жестокость сторон превысила любые рамки. В Кампучии жертвами борьбы за светлое будущее стала треть населения страны! Американцы сожгли напалмом тысячи вьетнамских деревень вместе со всеми их населявшими мужчинами и женщинами, стариками и детьми! Борцы против коммунизма с гордостью носили ожерелья из отрезанных человеческих ушей! При этом западная пропаганда вдалбливала людям в головы, что коммунизм это разновидность фашизма! Коммунистическая пропаганда тем временем живописала о преступлениях американского империализма, однако в итоге информационно-психологическую войну с Западом проиграла. Главенствующее положение в мире заняла западнистская идеология, и ужасы Ирака стали реальностью.

- Ну, в таком случае получается, что все «хороши»? Почему же ты отдаешь предпочтение национал-социалистам? Может они и не хуже, но всяко не лучше других. И вообще, поддерживать нацизм непатриотично – именно русские претерпели от него неисчислимые беды.

- По поводу моей непатриотичности ты в корне неправ. Лояльность к государству и к лежащей в его основе идеологии не имеет ничего общего с патриотизмом, – это аксиома. Мы говорим об идеологических системах, а они не признают государственных границ. Фокус тут в субъективности понимания каждым человеком того, что несёт пользу его стране. Например, коммунисты были и есть во всех странах мира. В нацистской Германии они создали организацию «Красная капелла» занимавшуюся шпионажем в пользу СССР. Считали ли они, что совершают непатриотичный поступок? Нет! Напротив, они называли себя истинными патриотами Германии и воспринимали борьбу против Гитлера как исполнение патриотического долга. Также и "кембриджская четвёрка» в Великобритании передавая Советам развединформацию, не думала о причинении ущерба британскому народу. По их мнению, интерес страны и народа заключался в том, чтобы скорее восторжествовал коммунизм. А сторонники западнизма в СССР распространяли самиздатовскую литературу и тем совершали информационную диверсию против советского государства, совершённо искренне убеждённые, что борются со злом. Сторонники фашистских движений тоже были и есть во всех странах мира. Во время второй мировой войны помимо Русской Освободительной Армии под командованием идейного врага коммунизма Власова сражались с советскими войсками и войска СС, насчитывающие десятки добровольческих дивизий сформированных из русских, украинцев, эстонцев, латышей, бельгийцев, норвежцев, датчан, хорватов и т.д. Как и они, я знаю, что неисчислимы бедо на русскую землю принёс большевизм после 1917 года развязавший планомерный и целенаправленный геноцид русского народа.

- Значит, будь такая возможность, ты бы воевал на стороне Гитлера?

- Мы Петя, живём сейчас, а не тогда. Следовательно, твой вопрос неуместен. Ты спрашивал, почему я предпочитаю национал-социализм. А что это за идеология? Говоря в двух словах, это идеологическая система, базирующаяся на активной защите национальных интересов во внешней политике и социальной направленности внутренней политики. Как раз то, что сегодня необходимо России. А вторая мировая война и Гитлер здесь вообще ни при чём. У Германского рейха, как и у любой державы, были собственные геополитические интересы, да и обстановка была абсолютно другой. Идеология германских нацистов имела решения социально-политических и экономических вопросов того времени применительно к германской ситуации, а мы – русские национал-социалисты XXI века предлагаем решение современных российских проблем.

- И всё-таки вы ведёте свою родословную от Гитлера, а ваш русский нацизм это подогнанный под российские условия немецкий фашизм...

- Ну, если можно использовать исторический опыт для устранения современных проблем, то ничего плохого я тут не вижу. Только нужно понять, каково собственно историческое значение национал-социализма, или говоря шире – фашизма. Отбросим в сторону свастики и римские салюты, т.е. чисто внешнюю атрибутику, уберём идейные составляющие, связанные с национально-культурными особенностями стран, где зародился фашизм, скинем мёртвую кожу популистских наслоений. И увидим, что фашизм – это, прежде всего движение, которое пыталось примирить прошлое человечества с его неизбежным будущим. К началу XX века социальные противоречия в западном мире достигли критического предела и возникли предпосылки для всеобщей победы

коммунистических сил. После окончания первой мировой войны популярность коммунистических партий во всех странах резко выросла, в России пришли к власти большевики, Германия находилась на грани коммунистической революции. Монархические государства трещали по швам. Цивилизация стояла на распутье: направо – продолжение буржуазно-демократического пути развития, налево – коммунизм.

Из-за экономического кризиса, краха политики колониальных завоеваний и общественного недовольства вызванного неутешительными итогами мировой войны положение западных демократий было крайне неустойчивым. Периодические кризисы перепроизводства сотрясали экономику, увеличивая безработицу и инфляцию, а монополизация промышленности приводила к массовым банкротствам мелких собственников. Многим людям казалось, что принцип свободной торговли и демократическая общественная модель исчерпали себя. На этом историческом фоне коммунистическая идеология обещавшая создать на земле социальный рай выглядела очень привлекательным средством решения всех проблем. Но была тут и одна загвоздка. Перед тем как построить новый мир социальной справедливости коммунисты собирались до основания разрушить мир старый. Так они и пели в известной песне. И разрушение старого мира было не просто словесной фигурой пропаганды, а конкретным намерением, последовательно воплощаемым в Советской России. Не только всеобщая грамотность, но и расстрелы священников, и подрывы церквей! Не один лишь план ГОЭЛРО, но и поголовное уничтожение дворянства и купечества! Не только индустриализация, но и раскулачивание и расказачивание! Чем больше эксплуататоров нам удастся расстрелять, тем лучше, - писал Ленин, и маховик красного террора погубил жизни миллионов. А в духовном плане коммунисты объявили войну всей накопленной в течение веков культурой. Поэзия прошлого, литература прошлого, архитектура прошлого, мораль прошлого за редким исключением были объявлены враждебной пролетариату культурой эксплуататорских классов. Античность была предана забвению, Пушкин и Достоевский признаны реакционными писателями. Красные футуристы, супрематисты и прочие мейерхольды низвергали все, на чём основывалось тысячелетнее здание культурной традиции, а ВЧК-ОГПУ-НКВД тем временем загоняло последних носителей высокой культуры в концлагеря. Посредственность возвели в степень высшего достоинства. Экономика возвратилась к азиатскому способу производства, как при строительстве египетских пирамид. Обещанный рай оказался тоталитарным адом! И захватив власть в России, коммунисты не желали останавливаться на достигнутом, лелеяли планы насильственного обращения европейских народов в большевистскую веру путём военной экспансии. Огромные средства уходили на увеличение и оснащение Красной Армии.

Комиссары подчистую выгребали у крестьян зерно, продавали его за рубеж, а вырученные деньги тратили на создание военно-промышленного комплекса на подготовку к войне. Это стало одной из причин чудовищного голодомора и причиной очень низкого уровня жизни граждан СССР. В этой нестабильно, каждую секунду готовой разразиться бурей атмосфере, когда над Европой нависла угроза большевистского вторжения, а пятая коммунистическая колонна была как никогда сильна, и появился фашизм, провозгласивший совершенно новый, третий путь цивилизационного развития. Поэтому фашизм ещё называют ИДЕОЛОГИЕЙ ТРЕТЬЕГО ПУТИ. Национальные разновидности фашизма имеют много различий, но сущность движения была едина. В оппозицию коммунистам, выступающим за

классовую борьбу вплоть до уничтожения национальной государственности, фашисты стремились к классовому сотрудничеству в целях сохранения национального единства. Во главу угла ставилась защита национальных интересов – идея объединяющая граждан вне зависимости от их социального происхождения. Причём центральный национальный интерес они усматривали в достижении социальной справедливости через эффективную государственную защиту и поддержку простого народа.

В 1922 году в Италии пришёл к власти Муссолини и создал первое в мире социальное государство. В 1933 году национал-социалисты получили власть в Германии. Это не могло не вызвать яростного возмущения коммунистов видевших как рушатся их надежды на победу мировой революции. Ведь фашисты побеждали, привлекая на свою сторону рабочий класс, ранее считавшийся электоратом исключительно коммунистических партий, выбивали из ног у коммунистов их естественную социальную опору. Тогда и были заложены основы антифашистской пропаганды изображающей сторонников Третьего Пути в образе исчадий ада. Только теперь мало говорится о том, кому этот ад предназначался и с чьей точки зрения являлся таковым.

- Звучит довольно убедительно, однако, я не понял в чём уникальность так называемого «Третьего Пути» сравнительно с коммунизмом. У коммунизма и фашизма столько общего, что они похожи на братьев-близнецов.

- На самом деле схожесть коммунизма и фашизма носит лишь внешний характер, а их идейное содержание имеет фундаментальные различия. Важнейшая коммунистическая идея – пролетарский интернационализм, иначе говоря, международная солидарность трудящихся. Последнее определение более точно выражает смысл термина. В наши дни под интернационализмом понимают всего лишь толерантное отношение к людям иных национальностей. Коммунисты же вкладывали в него особое значение. Ещё Карл Маркс проповедовал, что у пролетария нет отечества и ему нечего терять кроме своих цепей. Считалось будто такой же пролетарий-иностранец ему много ближе, чем эксплуататор одной с ним нации. Для того и создали Коммунистический Интернационал, чтобы совместными усилиями мирового пролетариата уничтожить эксплуататоров на всей Земле. Далее планировалось создание глобального бесклассового и безнационального общества, безнационального потому что согласно коммунистической идеологии деление человечества на нации является особенностью основанных на эксплуатации человека человеком социально-экономических формаций, после распада, которых и перехода к коммунизму исчезнут и национальные различия, нации и само понятие национальности.

Таким образом, всё связанное с национальным аспектом человеческого бытия – национальная культура, национальные интересы, национальное самосознание, национальный характер, чувство национальной гордости и национальная идентичность и т.д., отправлялось коммунистами на свалку истории, объявлялось пережитком тёмного прошлого, преградой на пути к построению бесклассового общества. И тут марксисты глубоко просчитались: национальные связи зачастую оказывались сильнее классовой принадлежности. В Европе населённой культурно и этнически близкими народами пролетарский интернационализм ещё имел распространение, но в мировом масштабе солидарность трудящихся была утопией. Чего уж и говорить о других регионах планеты, если даже европейские

народы несли в себе такое мощное национальное чувство, что полная интеграция рабочих в Интернационал была невозможна. Это хорошо понимали фашисты, выступающие под патриотическими и националистическими лозунгами. Они взывали к национальной гордости, призывали к национальному единению и миллионы бывших коммунистов-рабочих вступали в национал-социалистическую партию и голосовали за Гитлера на выборах. Здесь принципиальное различие между коммунистической идеологией и идеологией Третьего Пути. Марксисты исповедуют эфемерное всемирное братство пролетариата и смешение народов, а фашисты наоборот, воспевают и прославляют народ, пусть и разделённый на классы, но спаянный воедино национальной культурой, историческим прошлым, общностью этнического происхождения, языком и т.д. ... Второе кардинальное отличие Третьего Пути от коммунизма относится к социальной сфере. Коммунисты видели причину всех общественных бед в социальном неравенстве, вызванном частной собственностью на средства производства. Частная собственность – это источник богатства буржуазии и причина ужасающей бедности рабочего класса, - так думали коммунисты. Чтобы устранить социальную несправедливость, когда сам ничего не производящий малочисленный класс эксплуататоров потребляет большую часть продукта труда рабочих, они мечтали экспроприировать богатство и частную собственность имущих, и использовать их в интересах трудящихся. Короче, руководствовались принципом «всё отнять и поделить». Установление такого социального равенства на практике привело к истреблению российской национальной элиты, экономическому коллапсу и тотальному обнищанию жителей Советской России. Ведь так называемые эксплуататоры, говоря по-современному, являлись менеджерами российской экономики, выполняли важную социальную роль и без них экономика быстро стала недееспособной и моментально распалась. Только с помощью НЭПа и привлечения старых (классово чуждых) специалистов большевикам удалось стабилизировать экономическую ситуацию.

Идея социального равенства оказалась ещё большей утопией, чем международная солидарность трудящихся. Я думаю, что социальное неравенство является необходимым условием функционирования общества людей, заложено в его основе. Поэтому, уничтожив российскую элиту, коммунисты были вынуждены создать советскую, и образовали новый правящий класс. И социальное неравенство в Советском Союзе изжито не было. Более того – общество с государственной собственностью на средства производства и новый класс управляющих экономикой советских менеджеров оказались намного менее эффективными, чем частнособственническая экономическая модель, и противостояние с Западом закончилось буржуазной контрреволюцией. Ну а фашисты имели на социальные проблемы другую точку зрения. Они признавали справедливость критики капиталистической действительности, но не собирались отменять частную собственность, «грабить награбленное» и уничтожать буржуазию. Напротив, они много сделали для восстановления гражданского мира и ликвидации разжигаемой коммунистами классовой вражды. Решение социальных проблем виделось ими в создании национального (или говоря другим словом, социального) государства, защищающего общенародные интересы и потому стоящего выше интересов отдельных классов. Такой подход принёс результаты несравнимые с итогами коммунистической политики социального геноцида и экспроприации экспроприированного. Получившие власть партии Третьего Пути на деле, а не на словах улучшили положение трудящихся: покончили с безработицей, добились значительного увеличения оплаты труда, создали систему реальной социальной помощи малоимущим и т.д.

При этом не было пролито ни одной капли крови! В то время как в Советском Союзе рабочего за пятиминутное опоздание на завод и крестьянина за поднятый с поля колосок незамедлительно сажали в концлагерь, немецкие рабочие получавшие бесплатные путёвки общества «Сила через Радость» отдыхали на лучших европейских курортах и катались на комфортабельных лайнерах по Балтийскому и Средиземному морям. Забастовки были запрещены, но никто и не думал бастовать, потому что национал-социалистическая партия не допускала никаких ущемлений прав рабочих. Единый профсоюз рейха – Германский рабочий фронт – бдительно стоял на страже интересов трудового народа. Как говорил Гитлер, нацисты не занимаются социализацией (т.е. национализацией) заводов, а социализируют самих людей получая, таким образом, самое эффективное средство решения всех социальных проблем. Поэтому советские солдаты, вошедшие в 1945 году на территорию Германии, были поражены увиденным. Они попали в богатый цивилизованный мир, где, несмотря на экономические трудности связанные с шестилетней войной, уровень жизни простых людей был очень высок.

- А я думаю, ты просто идеализируешь нацистскую идеологию. Гитлеровский режим в Германии был настолько же тоталитарен, как и коммунистический в СССР. Общеизвестно, что политических противников нацисты без суда и следствия бросали в концлагеря. А высокий уровень жизни объясняется тем, что Германия ещё до Гитлера была индустриально развитой страной, а России была аграрной, отсталой и разорённой мировой и гражданской войнами.

- Эх, Петя! Зачем ты заводишь эту старую шарманку о нацистских лагерях? И коммунисты и западники всегда обвиняли фашистов в собственных грехах. Коммунистам насчёт преследования политических противников так вообще лучше рта не раскрывать. ГУЛАГом они переплюнули всех. Да и западные демократии обычно вспоминают о правах человека в порядке идеологической обработки общественного мнения перед началом очередной «освободительной» военной операции. При этом американские власти официально признают применение пыток к пленным исламистским боевикам на базе Гуантанамо. Годы исламистов пытаются и бьют, и над ними нет ни суда, ни следствия. Сегодня, наверное, каждый мало-мальски эрудированный человек знает, что концентрационные лагеря являются английским изобретением, впервые опробованным на жертвах британской агрессии в Южной Африке. И до сих пор лагеря широко применяются для содержания заключённых в той же России. Конечно, сейчас уже не сажают тысячами по политическим мотивам, но раньше это было. Да, после прихода Гитлера к власти производились аресты наиболее ярых противников. Третьего Пути.

А разве на Западе и в СССР поступали по-другому? Например, в Великобритании действовала фашистская партия под руководством Освальда Мосли. Более тысячи её участников арестовали после начала войны. Совершили ли они какое-то преступление? Нет. Их арест был профилактической мерой. Также и нацисты заключили в концлагеря высшее руководство коммунистической партии. Они не могли допустить, чтобы Тельман и прочие разжигатели пожара красной революции продолжали вести подрывную работу против германского рейха. Идентичными мотивами после руководствовался в США и комитет Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. В общем, ничто не ново под луной. А по поводу отсталости России скажу следующее. Уровень жизни не всегда связан с развитием промышленности. Возьмем, например современную

Саудовскую Аравию, где нет промышленного производства и иных источников доходов кроме продажи нефти и туризма. Очень богатая страна и высокий уровень жизни. Дореволюционная Россия тоже не была бедной. Правда, остро стояла проблема неравномерного распределения богатств - проблема характерная для государств начала века и вообще для капиталистических стран. И всё-таки месячная зарплата русского рабочего составляла 10-30 рублей: с учётом тогдашних цен на продовольствие солидная сумма. Настоящая нищета началась после 1917 года. Что же касается Германии, то и она участвовала в мировой войне, и, кстати говоря, была проигравшей стороной, что не могло, не отразится на состоянии экономики, ведь по условиям версальского мирного договора Германия принуждалась к уплате огромных репараций.

До прихода Гитлера к власти германская экономика находилась в пятнадцатилетнем кризисе, число безработных при населении 60 миллионов человек превышало 10 миллионов. И я не идеализирую Гитлера, а провожу сравнительный анализ теории и практики двух идеологических систем. Коммунисты устроили красный террор – расстреливали офицеров, дворян, священников, интеллигентов, чиновников, а нацисты не совершали ничего подобного, а только посадили в концлагерь потенциальных зачинщиков красного террора. Коммунисты проводили продрозвёрстку и коллективизацию, национализировали заводы, а нацисты крестьян не закабалляли и ничего у них не отбирали, за редким исключением оставили частную собственность в неприкосновенности. Массовые репрессии в Советском Союзе дезорганизовывали промышленность, армию, работу всех учреждений. Коммунистическая политика в отношении сельского хозяйства разоряла крестьян и вызывала голод. Заданная Сталиным ориентация экономического развития на создании тяжёлой промышленности привела к слабому развитию лёгкой промышленности, к дефициту товаров народного потребления. Радикальное различие в уровнях жизни граждан СССР и Германии возникло из-за того, что коммунистическая власть мало заботилась о простых людях, в отличие от национал-социалистической.

- А вопрос культуры? Ты говоришь, что коммунизм низвергал культуру, а национал-социализм стремился к её сохранению. Но гитлеровцы сжигали книги! Многие известные немецкие писатели были вынуждены эмигрировать! – Петя реально воодушевился, находя всё новые аргументы для критики моей позиции.

- Да, но ведь книги бывают разными. И в зависимости от политического строя, воли властей и господствующей морали ценность и значение литературного произведения в глазах общественного мнения различны. Оттого во все века и сжигают книги представляющие угрозу безопасности и незыблемости политических режимов, нравственности и порядку. Одно из первых исторически подтверждённых сведений о сожжении книг относится к I веку н.э. По политическим соображениям римский сенат постановил сжечь сотни произведений, от которых нам остались сейчас одни названия. В древнем Китае, по-видимому, подобное происходило ещё и ранее. С высоты нашего времени мы не можем не осуждать уничтожение сочинений авторов древности; но много ли изменилось с тех пор? В позднее средневековье инквизиция сжигала еретические произведения, в царской России цензура преследовала вольнодумцев, в СССР судили Синявского и Даниэля, в современной России инициируются судебные процессы против так называемых писателей порнографов – Сорокина, Ширянова и т.д. Кроме того, существует всё время пополняющийся список экстремистских,

то есть запрещённых к публикации и распространению в России материалов. Да и «Майн Кампф» является запрещённой книгой, и речь тут идёт об информационной гигиене проводимой с идеологическими целями. Три тысячи лет назад египетские жрецы пытались вычеркнуть из истории имя мятежного фараона Эхнатона или хотя бы опорочить его настолько, чтобы люди будущего не смогли бы думать о нём иначе, чем с ненавистью, а в наши дни подобный трюк хотят проделать с Адольфом Гитлером.

- А как же террор коричневых штурмовиков и преследования евреев? Тоже забота о простых людях?

- Я бы лучше сказал анти-террор. Вовсе не нацисты начали уличную войну. Коммунисты тех лет открыто провозглашавшие, что их цели могут быть достигнуты лишь насильственным путём – вот настоящие экстремисты, погромщики и убийцы. А создание штурмовых отрядов было только адекватной реакцией на красный террор. В «Майн Кампф» Гитлер подробно описал, как появились штурмовики. Боевые отряды компартии тогда срывали все митинги и собрания противоположной политической направленности, устраивали массовые драки и избиения идейных противников, насилием препятствовали свободе выражения людьми политических убеждений. Когда национал-социалистическая партия стала набирать популярность, красные провокаторы начали большими группами приходить на нацистские собрания, перекрикивать и избивать выступающих, пользуясь руками и ногами, а также пустыми пивными кружками как средством политической борьбы. Иногда раздавались и выстрелы. Только с нацистами это номер не прошёл. Они умели постоять за себя. В первом массовом сражении горстка штурмовиков под личным предводительством Гитлера выстояла против многократно превосходящих сил красных, и одержала убедительную победу. И уже скоро охраняемые штурмовиками лидеры нацистов вели пропаганду в рабочих районах, куда ранее им вход был заказан.

А вопрос преследования евреев, честно скажу непростой. Антисемитизм вообще-то считается главной отличительной чертой нацистской идеологии, но исторически он не был чем-то абсолютно новым. Начиная с Древних Египта и Рима, евреев преследовали все кому не лень, включая католическую церковь, испанских королей и российских императоров. В разные века предубеждённое отношение к народу Ветхого Завета разделяли многие выдающиеся личности и массы простых людей. Дискриминационные законы принимались разными государствами, часто происходили изгнания евреев и погромы. Например, Богдан Хмельницкий, по мнению еврейских историков, уничтожил до 300 000 евреев. Поэтому нельзя назвать антисемитизм чисто нацистским изобретением. Идеология германского национал-социализма здесь следовала сложившейся на протяжении веков культурной традиции. О логическом мышлении можно сказать, что оно заключается в умении за частностями увидеть закономерность. Гитлеру казалось, что закономерность им найдена, и он обвинил евреев в распространении западнизма и коммунизма – идеологий наносящих огромный ущерб белым нациям. Так судить у него были основания. Очевидно, Гитлер тщательно изучил книгу сторонника Третьего Пути американского автомобильного магната Генри Форда «Международное Еврейство» содержащую исчерпывающую информацию об участии евреев в большевистском перевороте и об их большом проценте среди владельцев крупного капитала. Руководство РСДРП-РКП (б) сплошь состояло из евреев, а с другой стороны сила и влияние капиталистов еврейского происхождения в западном мире действительно велико. Однако мне известно, что

кроме еврейских олигархов есть и еврейская беднота, а большевики-евреи перешедшие из традиционной веры в коммунистическую и погрузившие Россию в хаос кровавого геноцида не жалели и единоплеменников. Они не делали предпочтения синагогам перед православными храмами, закрывали и те и другие, были врагами любой национальной культуры, в том числе и еврейской. Во время большой чистки конца 30-х годов все они были, за редким исключением, уничтожены, а значит, не могут нести прямую ответственность, за происходившее позднее. Однако отрицать влияние международного еврейства на многие мировые исторические события было бы глупо – еврейская община является крупнейшим игроком на мировой политической сцене.

- Кажется, я нашёл противоречие в твоих словах! – вдруг сказал Петя. - Ты утверждаешь, что «Единая Россия» имеет черты фашистской партии. Почему же ты тогда выступаешь против «Единой России»? Если это фашистская партия, ты должен её поддерживать!

- Повторюсь, - ответил я, - я национальный социалист, а не фашист. И некоторые черты фашистскости ещё не говорят о том, что РФ это национальное государство. Реально – в РФ существует колониальная диктатура чиновников-капиталистов, действующая в интересах корпораций и развитых держав Запада. Фашистская диктатура в данном случае является переходной формой государственного устройства страны недавно освобождённой из-под власти коммунистов и перешедшей под власть Запада. В таких странах красное влияние ещё слишком сильно и правительства, чтобы удержать власть используют прямое насилие. Вспомним режимы Франко в Испании и Пиночета в Чили. А теперь вспомним режим Ельцина. Похожие проблемы и похожие средства решения проблем, в полном объёме использованные для стабилизации ситуации уже Владимиром Путиным...Могу добавить одно: Нас – современных русских национал-социалистов – дешёвой демагогией не возьмёшь. Сейчас принято упрекать молодёжь в плохом знании и равнодушном отношении к истории, в частности истории второй мировой войны. Мы историю хорошо знаем. Война, все, что ей предшествовало и что за ней последовало, известно нам не понаслышке. Именно потому мы такие как есть.

Источник: [Живой Журнал Шульца](#)